

18+

Варвара Герн

**Записки
прабабушки**

Варвара Герн

Записки прабабушки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62704241

ISBN 9785005159816

Аннотация

Эта книга – воспоминания Варвары Дмитриевны Герн, провинциальной дворянки, дочери отставного военного, жены скромного помещика, матери хороших сыновей и дочерей, сохранивших несколько рукописных тетрадей. Записи доходят до 1916 года. Своеобразный, живой стиль автора сохранен полностью, орфография, характерная для среды и эпохи, почти не тронута. Интересно следить, как важные и грозные мировые события отражаются в жизни дружной благополучной семьи. Публикацию подготовила Н. Доброхотова-Майкова.

Содержание

Маленькое пояснение	5
Мои воспоминания за 40 лет	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Город Ефремов и Архангельское	10
Поездка в Орел	25
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Записки прабабушки

Варвара Герн

© Варвара Герн, 2023

ISBN 978-5-0051-5981-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькое пояснение

Варвара Дмитриевна Герн, в девичестве Зюзина, всего-то прабабушка, закончила свои воспоминания чуть больше ста лет назад.

Нам их отдали, когда в 2019 году скончалась внучка Варвары Дмитриевны, Татьяна, в возрасте девяноста семи лет, а вскоре умер ее брат, наш дядя Юра, ему было девяносто пять. Отдали, потому что у нас есть потомки, хотя Гернов среди них и нет. Фамилию Герн носит последний из ее внуков, Олег, ему 80, как и мне. Он живет в Ульяновске, мы посылаем ему распечатки.

Первоначально рукописная книга, довольно толстая, хранилась у дочерей Варвары Дмитриевны, Юли и Вари, незамужних, бедных до крайности, очень дружных и добрых. Когда-то они работали в больнице для психически больных детей в Лосинке, потом доживали на одну пенсию в половине стеклянной терраски. В другой половине жила бабушка с нашей мамой, Таней и Юрой.

Мы и наши дети очень любили бывать у «теток» в Лосинке.

Ради их памяти мы и затеяли расшифровку Записок. А потом оказалось, что это страшно интересно: время, город, человек. Смешно было многое, но Мама сразу внушила огромное уважение. И дочь не подвела! Резвая девушка ста-

ла серьезной, ответственной женой и матерью...

Не интеллектуалка, просто умная! И что особенно приятно – стихийный либерализм дворянской среды.

Начинаются «Записки прабабушки» в 1910 году, в это время она переживает за своего «первенца», нашего деда, который уже три года в крепости. За свои убеждения. А деду был тогда 21 год! Значит, взяли совсем мальчишкой... В пятом ему было 16. Успел хоть чем-нибудь покидаться во время революции? Говорят, в тюрьме он учил языки.

С самого начала расшифровки я помещала ее в ЖЖ, в надежде, что друзья и подскажут, и поправят, и помогут. Правила публикации разъяснила одна_zmeia (Наталья Соколова); mingqi (Аглая Старостина) сразу вычислила «город Ефремов» и как туда можно было добраться, пока не провели железную дорогу, и что случилось, когда ее провели. Неожиданно выяснилось, что многих друзей и знакомых В.Д. знает Википедия, а более скромных – Губернские ведомости и другие источники. Легко находят генералы и даже штабс-капитаны. Сложнее – учительницы и врачи...

Нашлась масса интересных сведений (Поместья, Железные дороги, разные великие люди, врачи и генералы, Настя Пиотровская и так далее). Мы их помещаем в Приложение. Есть вещи удивительные сами по себе, например судьба Насти, ближайшей подруги В.Д., к сюжету они отношения не имеют, но жалко бросить разведанные... пусть хранят

няются в подполе.

Обидно, что так и не удалось расшифровать инициалы близкого родственника (свойственника) героини, он возникает на первых же страницах и держится до конца – возможно, он ее пережил (малоприятное лицо). Рудвинский Ан. Ад. – это «Ан. Ад.» страшно меня раздражает! Мысленно я называю его «Адамычем» – он поляк – а вот Андрей он или Антон?

Н. Доброхотова-Майкова

Варвара Дмитриевна Герн, в девичестве Зюзина, начала писать эти воспоминания в 1910 году. Кончаются тетрадки осенью 1914 года. Умерла В. Д. в 1916 году.

Варвара Дмитриевна
Зюзина (Герн)

Мои воспоминания за 40 лет

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ УЕЗДНАЯ БАРЫШНЯ

Давно уж хотелось мне записать все прожитое мною, за мою долгую жизнь, много было всего хорошего, и худого, особенно не баловала меня жизнь за последние годы, тяжело отразившиеся на всем укладе нашей семейной жизни, и теперь еще переживаю тягостное отсутствие моего первенца. Тяжело ему досталось на долю, в юные годы сидит в крепости, еще не так тяжело сиденье, а как произвол лиц администрации, произвол у нас теперь во всем, темные силы и темные лица торжествуют победу над побежденными.

День и ночь думаю о тебе, мой дорогой сынок, дождусь ли я того радостного дня, когда ты будешь со мной! Уже три года почти, как несешь ты кару за свои убеждения, и три года мать твоя ни разу не заснула с облегченной душой. Тяжело мне, а главное то, что несправедливость убила у меня веру в Провидение, я из верующей стала не верующей. В начале несчастья, я горячо молилась и верила, что Господь услышит мои молитвы...

Нет справедливости ни на небе, ни на земле!

Город Ефремов и Архангельское

Хочу постепенно возобновить в своей памяти разные события и рассказать, что удержалось в моей памяти. Начну с детства своего, хотя оно совсем серенькое и далеко от теперешнего уклада жизни. Родилась я в небогатой семье отставного капитана, почти старика, от второй жены, и была первенец; у него от первого брака не было детей, и я то родилась после 5 лет бездетного брака и была страшножданное дитя у обоих родителей; отец был отставной раненный офицер, мать бедная дворянка, дочь ветерана 12 года; после меня родились три брата, один из них, Вася, умер 1½ годовалым. Жили мы в уездном городе в Тульской губ. в собственном доме, и жили хотя не богато, но зажиточно, отец много помогал семье моей матери, у которой было три сестры, одна Анна замужня, а Елизавета и Лидия девы. Отца я плохо помню, помню, что он был полный, с черными волосами и рыжими усами, и всегда ходил в военном сертуке, был веселый и отзывчивый человек, много у него было друзей между чиновниками, почтмейстер, казначей, смотритель училища, старый городской голова; как сейчас их помню – теперь уж нет этих типов, много смешного они из себя представляют на современный взгляд, но много и симпатичного у них было; как много было простоты, но задушевной простоты, в обыденной жизни наших стариков. Собирались ве-

черами друг к другу поиграть в ералаш, все было просто, без церемоний, придут вечером с фонарями, поговорят, поиграют в картишки, и мирно плетутся во свояси. Например такая картинка, отец в своем военном сертуке стоит перед окном в зале, кепе лежит на столе, также табакерка и носовой платок, смотрит в окно, это он ожидает, когда на почту пойдут, смотрит головы, и увидя их, надевает кепе и сам идет туда, это значит привезли почту, а ходила она два раза в неделю; идут приятели к приятелю почмейстеру читать «ведомости», ибо их в городе никто не получал, были дороги и редки, выписывались газеты помещиками только, и вот друг почмейстер устраивал у себя чтение; почитают и вечером смакуют прочитанное, отец воодушевляется и вспоминает свои походы.

Отец как-то вдруг из бодрого мужчины стал хилым; время его болезни у меня как будто больше в памяти, он реже стал уходить из дома, сидел в гостиной на диване и раскладывал пасьянс; раза три в день уходил в спальню и подолгу молился перед древней иконой Казанской Б. М. Вечерами я и брат Миша, его любимец, придем и сядем около него по бокам, сидим в потьмах и он рассказывает сказку, бесконечную, про солдат и чертей, а мать возится с младшими братишками, прижмемся к нему, слушаем, а надоест слушать, пристаем с разными вопросами, пока не надоедим ему и он закричит матери: «Мать возьми их!»

У отца была любимица, дочь тети Анюты, она и крестница

его была, в то время ей было лет 18, отец очень любил, когда она ему читала. Помню, как заболел отец, это что-то было ужасное, болезнь началась икотой, он так икал, что проходящие мимо останавливались, слышно было на улице. Мама рассказывала, что он объелся печеных яиц, которые он ужасно любил, много лечили, но он так и не оправился, страдал года 1½ и умер, по всей вероятности от рака, так как питаться совсем перестал, все была рвота; умер он когда мне было 9 лет, за год до его смерти умер и братишка Вася. Мать поистине была мученица, мы маленькие все, отец тяжело больной, капризный, минуты без нее не мог быть, она должна была быть постоянно при нем, а там мы. Уже незадолго до его кончины к нам приехала тетя Лида, но отец то ее кажется не очень любил, он из всех сестер матери любил очень тетьку Анюту, да кто эту чудную женщину не любил, это была мученица, но как кротко и терпеливо она несла свой крест, с какой верой молилась и во всю жизнь свою никому не сделала больно, никого не оскорбила; у меня крест не менее тяжел, но в другом роде, и я не могу быть так незлобивой как она, и кажется мне тяжелей, чем ей, потому что она верила глубоко. Умер мой отец в ночь и я была разбужена воплем матери и сама закричала, ко мне бросилась рыдающая мать со словами: «Сиротка моя бедная!» Обняла меня и показала отца лежащего на диване (долго я этот диван берегла, теперь пришлось его бросить) с рукой на лице, говорят, что это он крестился и так умер не донеся пальцев на лоб. Помню его

лежащего на столе, помню, как нас одели в черное с белыми плерезами, Миша все обращал мое внимание на свою черную рубашку с белой тесемкой, а мой траурный наряд, это было что-то ужасное, длинное до самой земли платье с кофтой, белый коленкоровый чепец с большой оборкой и черной лентой, на шее огромный черный платок, концы которого спускались до полу, мать в точь-точь таком же наряде. Помню, как несли отца, нас почему-то посадили не в наш экипаж, а в соседский, меня силком посадили к матери, а Сережу помню вели пешком до самого кладбища и мне было жалко на него смотреть, как его, крошку, вела за рученку некая Ольга Васильевна. Помню и трапезу после похорон и убитую горем мать, которую прямо оберегала Ольга Ивановна, добрая, хорошая барыня, мама до конца своего, всегда с благодарностью вспоминала ее, именно тот человек и дорог, с кем переживается тяжелая страница жизни. Больше об отце ничего не могу сказать. Мама его очень уважала, хотя рассказывала, что замуж выходила не любя, долго не соглашалась, но жизнь у нее была тяжелая, их было три сестры и одна замужняя с большой семьей и ее <нрзб> мужем, который в молодости был ревнив, а потом горький пьяница, бедность большая, хотя были крепостные, Лида и Лиза с невозможными характерами, вечная ссора между собой, вечная брань с крепостными и пьянство зятя и брата Павла (кстати, которого звали Дмитрием, но бабушка не брала ему бумаг, а оставила бумаги умершего сына Павла, мы все звали его

«дядя Паша», только на похоронах его, куда меня взяла мама, я с удивлением услышала: «раба твоего Димитрия!»), так вот такая обстановка заставила маму выйти замуж, она всегда говорила, что не раскаивалась, она искренно полюбила его за его чудный характер и уважение, которым он окружил ее. Как курьез, она рассказывала сватовство отца, которое я и расскажу, оно типично, по нынешнему пожалуй и смешно! Отец овдовел после 23 (5?) -летнего сожительства с женой немкой, он в то время еще служил инвалидным начальником и как говорится, дом у него был полная чаша, и решил после 40 дней смерти жены жениться, сватали ему много девиц, но его выбор остановился на маме (мама была хороша собой и ей тогда было 27 лет) и еще одной девице Голиковой; отец помолился и лег спать с такими словами: «Пусть Наталья Егоровна мне сама укажет, на ком из этих девиц жениться!» Видит во сне, едет он с Н.Е. в карете, а по обеим сторонам кареты, справа идет мама, а слева Г.. Н.Е. указала ему на маму. Видно, ложась спать, больше думал о маме. Утром вставши, поехал в собор, отслужил молебен и вернувшись домой, послал за тетей Анютой, которой и объявил о своем желании жениться на маме, та и ног под собой не чуяла от радости и спешит с этой радостной вестью домой, а тут мама запировала:¹ «не хочу, и точка!» В голове страстное желание уйти тихонько в монастырь, даже говорит: «постоянно мечтала, как встану ночью и уйду!» Пошли уговоры, послали за тетей

---

¹ заскандалила (тульское диалектное) (здесь и далее примечания публикатора)

Лидой, которая жила у своих приятелей Левшиных, прося ее и гг. Л. уговорить маму не отказываться от счастья; долго она не соглашалась, но после долгого раздумья да еще очень хороших домашних дрызг она решилась выйти и не раскалась все 15 лет прожитых с отцом. Мама моя была очень умная, энергичная женщина, весьма молчаливая, осталась с нами малолетками 39 лет, прекратила всякое знакомство, занялась нашим воспитанием, пригласила гувернантку и началось наше воспитание, что учение не было достаточным, это факт, но нравственное наше воспитание было отличное; она сумела внушить нам честное направление. Да, моя мама тихо и скромно совершила свой долг, спасибо ей большое, себе она буквально во всем отказывала, жила нами и для нас, но держала нас весьма строго и мы боялись и не сме-ли ей перечить ни в чем и боялись огорчить ее, кроме нашего воспитания она много помогала теткам, давала на уче-нье двоюродным, Машу² любила очень и еще давала приют трем безродным старухам, хотя доходы у нее были неболь-шие, а как то ухитрялась жить и сводить концы с концами. У нас жили, кроме тети Лиды, две вдовы и одна старая де-ва; помню, как раздвинут стол и сядем все вечером, то вся комната занята, такая картина: длинный стол, две сальных свечки по краям, мама сидит и шьет, около Миша, Сережа на столе сидит на шкатулке, я, Маша (когда не жила в дерев-не, где она часто жила у одной помещицы), гувернантка Ан-

---

² племянницу, дочь тети Аниюты.

на Ивановна, дочь Ольги Ивановны, которая во время смерти отца была единственной маминой утешительницей, тетка, приживалки, нянька Анна Афанасьевна – и непременно за- дом к столу, чтобы свет падал на чулок, который она вечно вязала, все с работой и все с рассказами, у каждой непременно сверхестественный, с привидением, с колдовством; мама никогда не принимала участия в этих рассказах, редко когда рассмеется на смешной рассказ, мы дети дрожим от страха, боимся выйти в следующую комнату, особенно Миша, тот прямо ревел от страха, когда А.И. посылала его за чем-ли- бо. Миша ни за что не идет. А.И. начнет спрашивать: «Че- го ты боишься?» «Там Адам и Ева!», отвечает Миша. По- чему именно Адам и Ева, он не мог объяснить. А.И. берет его за руку, ведет и освещает стены, показывая, что там ни- кого нет. Да, прослушав те рассказы, невольно волосы шеве- лились на голове, я хоть очень храбрилась, но душа в пятки уходила часто. Вот и таким образом вечер кончался.

Сережа засыпал на своей шкатулке, мама уносила его в спальню, немного погодя валился Миша, этого уносила те- тя и раздевала. Миша был крупный мальчик, а Сережа боль- ной, жалкий, доктор говорил, что он недолговечен, и мама его страстно любила, возилась с ним сама, и он был страшно избалован, меня же мама держала в черном теле, заставляла много работать, что для меня было большим наказанием, я была веселая, живая, непоседливая, тщедушная некрасивая девочка, училась хорошо, Миша же был ленив, очень упрям.

Садилась мы за учење в гостиной в 8 часов и занимались до 12 часов, в 12 ровно подавали обед, который был больше скромный, щи да каша с молоком, а в Праздник только жаркое и пирог; часа в 3, когда была лошадь (это еще при жизни отца, после него мама скоро продала лошадь и экипаж) ехали к теткам, а потом ходили, куда мы весьма охотно отправлялись, нам там казался другой мир, хотя там была страшная бедность, но всегда веселей нашего и свободней, двоюродные показывали нам всевозможные фокусы, учились они в городском училище, и нам казалось, что они все знают. Часа два пробывали у них, там домой и вечер вроде того, что я описала, 8 часов мы уже ложились спать, все трое вместе с матерью в спальне, но я долго прислушивалась к чтению А <нны> И <вановны> и Маши в соседней комнате, так прослушала «Войну и Мир» и еще похождения Рокамболя, читали они много, но эти только сохранила в память.

В субботу у нас зажигались лампадки, и я очень любила (да и теперь люблю тихий свет лампад, так тихо, мирно делается на душе, но три года уже не зажигаю, нет у меня света и мира на душе, и я не хочу этого света, больно от него теперь мне), все сидят без дела и ведут мирные разговоры в полутьме трепетного света, даже неприятно, когда мама скажет: «Няня, зажги огонь!» – бежим к няне и смотрим, как она обжигает свечи, нравилось очень, как она зажжет, потушит и снова вздует огонь. В Воскресенье идем все к обедне в собор, бывало ужасно надоедало стоять, жарко, шуба да-

вит плечи; летом мы любили ходить, особенно на кладбище, к обедне, а потом к отцу на могилу. Так без особенных событий прошло два года, в течение которых мы ездили раз во Мценск Богу молиться, отец обещался больным, что как оправится, так поедет к Николаю Угоднику во Мценск, мама свято решила исполнить его обещание и вот мы поехали на лошадях, 120 верст Мценск был от нас, по дороге заезжали к знакомым помещикам, Пиотровским и Зелинской, туда где часто гостила Маша, памятно мне только из всей поездки то, что у меня страшно разболелся живот и то, что у Зелинской Авдотья Дмитриевна <нрзб> рассказывала, как крестьяне целую семью своего помещика сожгли, семья была человек 8, сей помещик был из кровопивцев, доконал крестьян, и они его сожгли, обложили дом соломой и зажгли, кто покажется у окна, отпихнут, так и сгорело 8 душ, жутко было слушать этот рассказ, у меня поджилки тряслись. Ездили мы все, Маша и Коля. Анна Иван., прожив у нас два года, заявила, что не хочет у нас жить, ей вышло место в Москве к купцам, с которыми она должна была ехать за границу, сколько слез было пролито вместе с нею, ей жаль было нас и хотелось повидать свет. Отъезд ее целое событие в нашей жизни. Через два месяца у нас была новая гувернантка «Адель», только что с институтской скамьи, очень хорошенькая и очень пустенькая, после А <нны> И <вановны>, которая была умна и занималась с нами хорошо и вдруг такая пустельга – учить не могла, мы у нее все списывали с книги, а она вер-

тится против зеркала или сидит на окне и перемигивается с полицейскими чиновниками, полиция была напротив; пробыла она у нас недолго, с Мая по Октябрь, и вышла замуж за учителя городского училища, субъект сей влюбился в нее, но субъект был ужасный, никогда не питался своим, а все ходил по ученикам или должникам, давал деньги в рост, через теток он познакомился с нами и являлся обедать чуть ли не каждый день. Одна из наших приживалок, Анна Николаевна, вдова инспектора, женщина с образованием (поздней она поступила во вдовый дом, у нас же проживала в ожидании там вакансии) много говорила с Адель о этом учителе, рассказывала, как он жаден, как скверн вообще, на что Адель отвечала: женится, переменится.

Выскочила за него наша пустельга, не подумавши, радовалась его подаркам, и верно скоро раскаялась, он ее запер со дня свадьбы, мы только раз их и видели у себя в Ноябре, и с тех пор не видали, рассказывали, что он когда уходил в училище, ее запирали на замок, квартира же была на краю города в хибарке, без прислуги. Венчалась она 9-го Октября, это событие в памяти у меня; день был чудный, теплый. Одели ее в белое кисейное платье и фату, она выскочила на крыльцо, перед которым собрались соседские кухарки, горничные, дворники, вертится и спрашивает: «Хороша я?» Тетя Лида кричит: «Бедняжка, иди в комнаты, чему радуешься?» Вбежит и сейчас же в окно, там полицейские ей делают ручкой. Наконец приехал шафер и повезли ее в церковь

в карете, мама поехала с нею и Миша с образом, я и Маша сзади на извозчике, и вот и весь поезд.

В ноябре появилась у нас новая гувернантка Марья Васильевна, но прожила не долго, в Январе уехала, она была помещица, и говорили, имела связь с соседом женатым и поссорилась с ним, он был несколько раз у нее и за ней присылал. Гувернантка была плохая, ничего она нам не дала, А <нна> И <вановна> стояла высоко над ней, казалось, у нас уже такой и не будет, и как мы были рады, получая от нее из за границы письма, и мы мечтали, что она вернется к нам, на это было похоже, но увы, она по приезде из за границы вышла замуж и невестой гостила у нас, вышла замуж за помещика и весьма неудачно, он все прокутил, десять лет она ездила с ним, содержали театр в Харькове, в Москве меблированные комнаты, и в результате, благодаря родственникам, она назначена начальницей нашей прогимназии, где прослужила 30 лет и только два года тому назад скоропостижно там скончалась, мне писали, как хоронили эту замечательную женщину, ведь воспитала она несколько поколений, оставила по себе память, писали мне, что собор не мог вместить всех молящихся за нее и панихиду служили на площади.

Немного уклонилась я в сторону, но мне хотелось посвятить строчку этой светлой личности, которой связано мое детство, юность, и с которой я переписывалась до самой ее смерти. После отъезда М <арии> В <асильевны> мама решила ехать в Москву за гувернанткой, туда в то время из на-

шего города до Тулы было на лошадях, а уж из Тулы по железной дороге, вот мама, Маша и Ав <дотья> Дм <итриевна>, одна из наших приживалок, старая дева (поехала искать себе место экономки в Москве, не имея души там знакомой и имея 30 р. только денег), в Феврале они отправились в Москву, мы же остались с тетушкой и нянькой дома, остальные наши приживалки тоже куда-то разъехались. Без мамы мы оставались в первый раз, тоска страшная, тетушка нас муштровала, обладала она страшно тяжелым характером, эгоистична была, ругалась, как извозчик, и к тому же ревнива была, если заметит, к кому мама относится хорошо, сейчас вообразит, что ее сживают, мания преследования у ней была, и вот она всеми правдами и неправдами начнет выживать того человека от нас, таким образом выжила от нас Ав. Вас., приживалку вдову, очень неглупую старушку лет 70, именно за то что мама любила советоваться с Ав. Вас. Устраивала такие сцены, что мы дети дрожали от тех ругательств, мама терпит, терпит и скажет: «Чего ты бесишься?» Этого достаточно, начнется что то не вообразимое, крикнув все возможные обвинения и ругань, она уходит к тетушкам, живет там несколько дней, мама волнуется, тоскует, часто сцены были за Машу, хотя она любила Машу, но требования к ней предъявляла невозможные, Маша должна была за что то просить прощения у нее и целовать руку, не зная вины, позднее она проделывала и со мной такое. Много ругала Александра II, что он разорил их, по миру пустил отняв кре-

постных, мама только скажет: «Отлично сделал, отняв лодырей у Вас, да руки Вам укротил драться!» Ну и довольно, тетушка убежала; тоскливо, скверно на душе у всех нас; смотрим, через несколько дней тетя является, так как у тех тетушек перекусить нечего, да Лиза подобие этой, они переругаются, изощряясь друг перед другом, и в конце пальма первенства за нашей, а Лиза только уж может говорить: «ба-ба-ба!», не находит уж больше слов. У нас же Лидия хозяйничала, величалась, мама терпеливо сносила деспотические наклонности; хотя такие сцены повторялись по несколько раз в год, но каждый раз скверно отражались на маме и нас; позднее она уж не убегала, но делала еще хуже, замолчит, ни чай пить, ни обедать не выходит, суток по двое ничего не ела, сидит в маленькой комнатке на сундуке, ничего не делает, глаза уставит в одну точку, лицо злое; на нас это еще хуже отзывалось; мама зовет обедать, молчит, иду я, молчит, прислуга подходит, молчит. С тоской показываю ей, мама зовет ее чай пить, говоря: «Завтра, Елизавета Никол., займетесь, а теперь идите греться!» Из себя Е <лизавета> Н <иколаевна> была высокая, немолодая блондинка, одетая через чур бедно, выражение я тогда не могла разобрать, на вид скорей нянька, чем гувернантка, против тех, бывших у нас, она сразу казалась не умной, (оказалось потом, что она была вроде помешенной, и как мама взяла ее, не понимаю!) Прямо верно испугалась вроде Ав <дотьи> Дм <итриевны> Москвы, хотя с отцом она два раза была в Москве).

Ну, вот началась наша жизнь с новой гувернанткой, а так как в нашем городе два или три дома имели гувернанток и учиться не у кого было, то к нам приехала богатая купчиха и просила разрешить Е <лизавете> Н <иколаевне> учить ее двоих детей, Лизу и Петю (А <нна> И <вановна> тоже, кроме нас, учила троих дочерей исправника). Лиза и Петя стали ездить к нам на уроки, наша ментор ни бельмеса, пишем с книги, а уроки заказывает: «С этих до этих!» Я хоть добросовестно учила, а Миша и вовсе не учил, плетет бывало что то, где и «дура Е <лизавета> Н <иколаевна>» слышится, а она моя голубушка на все отвечает: «Хорошо». Мы с Лизой фыркаем от смеха. Так продолжалось с месяц, наконец мама начала говорить: «Е <лизавета> Н <иколаевна>, Вы портите детей, мальчик Вам Бог знает, что врет, а Вы на все «Хорошо». Не помню что она на это говорила, а кажется тоже «Хорошо» сказала. Я вижу, что мама печалится очень, тетка издевается над Е <лизаветой> Н <иколаевной>, рассказывая анекдот про архиерея «Хорошо». Маша старается сойтись с Е.Н., Ав. Дм. тоже, а она сидит целый день сычем, только раз она почему то вышла из апатии; у нас были хорошие знакомые поляки Алек. Антон. Пиотровский и его управляющий Ан. Ад. Рудвинский, бывали они часто и вот однажды приехали. Мы сидим за уроком, или верней сказать сидим и списываем с книги, (до чего это списыванье мне надоело) она спрашивает, кто это там? Я, сообщаю, и вдруг моя Е <лизавета> Н <иколаевна> начинает их ру-

гать, да как: «поляки, лицемеры, изменники!» Конечно, теперь я бы поняла, что особа эта ненормальна, а тогда удивленная рассказываю маме, и конечно не получила от мамы никакого разъяснения. Прожила она у нас 1½ месяца, и мама отправила ее в Москву и мы снова без руководительницы, а Миша был уже назначен в Орловский кадетский корпус, мама волнуется, а с отъезда А <нны> И <вановны> прошел год, в течение которого мы только списывали с книги, боится, что Миша не выдержит экзамена, посылает дядю Андрея, мужа тети Анюты в духовное училище, чтобы кто из учителей пришел нас проэкзаменовать, приходило два учителя, но в разное время, экзаменовали меня и Мишу, а что сказали, не помню. Миша короткое время ходил заниматься к одному из этих учителей. Около 20 июля мама решилась ехать в Орел, и поехали мы все, она не могла с нами расстаться на целый месяц, с нами поехала и Маша, до желез. дороги ехали мы на лошадях 50 верст, пред отъездом ходили к отцу на кладбище, брали икону «Смоленской Б. М.» домой и отправились. Что чувствовал 9летний Миша не знаю, он был всегда скрытен и молчалив. Приехали на станцию ночью, ст. называлась «Расошная» и около 12 часов пошли садиться в вагон, я вышла за Машей, и по близорукости от роду невидавшей поездов, не зная как садиться, я оборвалась с проножки вагона, ужасно расшиблась, искры из глаз посыпались, говорю Маше: «Убилась я, встать не могу!» Она отвечает: «Ну, так умрешь!»

Что за ответ был мне, ребенку, у которой нога почернела как котел (утром я уже увидала), я стерпела боль и даже не заплакала. Поехали, братишки заснули, а я всю ночь не спала, больно мне, и интересно ехать. Мама все всех спрашивала про Орел и корпус, и вот какой то священник посоветовал ей обратиться к воспитателю Бейдельману и дать ему.

Поездка в Орел

Рано утром мы приехали в Орел, извозчики привезли в гостиницу, и что это была за гостиница, грязь была страшная. Мама говорила Маше, что она не может быть в гостинице, дорого, а пойдет искать квартиру, что и сделала сейчас же после чая. Я и Маша остались, а она забрав братишек ушла к корпусу, побродив около, она подошла к игравшим детям и спросила о Б <ейдельмане>. Девочка сказала: «Это мой папа! Я вас проведу к нему!» Мама отправилась и договори-лась за 50 р. с Б <ейдельманом>, что он приготовит Мишу к экзаменам, это за три недели то! С этого дня Миша начал ходить к нему и там больше играть с детьми Б <ейдельмана>, чем заниматься. Мама нашла квартиру у двух старых дев и поселилась у них. Не помню, какое впечатление произвел на меня тогда Орел, но жизнь у этих барышень помню, прекомичные были, одна все замуж собиралась и гадала у цыганки, раз я даже подсмотрела, как она с цыганкой клала

земные поклоны и потом цыганка с ног до головы осеняла юбкой эту Прасковью Алексеевну и юбку взяла себе. Другая, Лариса, пила водку, часто ругались и даже дрались между собой, точно наши тетушки, но наши хоть не дрались. К экзаменам обещал приехать Ал <ександр> Ан <тонович>, боясь якобы, что Миша не выдержит экзамена и мама потеряется, но это был чистый предлог, он ехал для Маши.

Маша познакомилась с двумя барышнями, а я с двумя девочками, богатыми помещицами, одна из них была 15 лет и влюбилась в кого то, но в кого не помню, наши девы рассказывали много об этом, я все прислушивалась ко всему, а было мне только 11 лет. Действительно Ал. Ан. приехал за день экзаменов и пробыл два дня, собственно сидел и гулял с Машей, меня, как отвод, брали с собой, а мама была вполне уверена, что он, как друг, приезжал для помощи ей и чтобы познакомить маму с нашим губернским предводителем, Миша определялся на дворянский счет. Миша выдержал экзамен, Мама отвела его и вернувшись долго плакала, не могла вспомнить без слез, как он, одетый уже в форму, говорил ей, что ему кепе мало и это в самую минуту расставания – видно ему было тяжело и он не знал что говорить матери, а видел, что маме тяжело. Как я теперь понимаю маму, самой мне много пришлось пережить с детьми горьких, не минут, а уж лет...

Когда пишу эти воспоминания, мне ярко представляется эта картина прощания матери с Мишей. Поехали мы об-

ратно, в дороге отсутствие Миши не было заметно, но дома нам с Сережей не доставало его, мама грустила, Маша уехала к Пиотровским, у которых она последнее время жила мыслями, приезжала домой на несколько дней, грустила и оживлялась только, когда за нею приезжали оттуда, Мама начала опять думать о нашем ученье и решила тетю Лиду отправить в Москву за гувернанткой, ибо была уверенность, что Лида специалист на все, и вот мы, теперь уже с Сережей, находимся в трепетном ожидании особы, няня наша все сулила нам «ведьму» и говорила такие страсти про нее, что будет стара и зла как ведьма, а мы мечтали о молодой, и Сережа говорил, что ее будут звать «Сашей».

И не ошибся, Саша то она была Саша, но старая и злая. В день приезда новой гувернантки нас был Ал <ександр> Ан <тонович> и Ольга Иван., мать нашей милой Ан <ны> Ив <ановны>, большая приятельница мамы. И вот, когда уже нас отправили спать, слышим «приехали!» Сгорая любопытством, мы открыли дверь из спальни в переднюю, видим старую, черную и чопорную, я не вытерпела и показала Сереже язык, смотри мол: «молодая!» Ведьма ведьмой, лицо злое презлое, гувернантка мой язык заметила и уж потом допекала меня этим. Грустно настроенные легли мы спать, и на утро уж только познакомились с Алек. Сергеев. Гувернанткой она была хорошей, мы быстро выучились болтать по французски, за то по немецки она учила нас только читать и писать, сама видно была не сильна в нем. Зла она была страш-

но и вначале меня терпеть не могла, любила Сережу и всячески его баловала, я всегда была покладистого характера и не очень тяготилась ненавистью А. С. Но позднее Сережа попал в немилость, со мной она стала дружить. Жизнь наша пошла опять по старому, учимся, гуляем и вечером слушаем чтение А.С. страшных рассказов, уже новые, так как кроме Ав. Дм. нет никого из приживалок (Ав. Дм. преоригинальная была особа, нехороша как смертный грех, неглупа, но всегда была влюблена в когонибудь и собиралась замуж, в это время она была влюблена в богатого деревенского купца, гадала о нем, молилась она всегда в спальне, я приворяюсь, что сплю, она молится на коленях и со слезами: «Казанская Б. М., обрати сердце рабы твоей Марты ко мне!» Это она молилась, чтобы мать этого купца позволила на ней жениться, потому что составила себе идею, что этот Александр Сергеевич не женится на ней благодаря матери) Только иногда вечером собаки поднимут лай, у нас переполох, тетя вооружается кочергой, идет, нянька держится за юбку тетки, за нянькой кухарка и еврей, квартирант, вызванный теткой как мужчина, замыкает шествие, и трясется от страха, нянька читает молитву: «Сила Честнаго животворящего Креста!» Тетка еще у крыльца начинает кричать: «Выходи, такой сякой, кишки на кочергу намотаю!» Двигаются по двору и она все кричит, конечно ни кого, а мы тут трясемся от страха и любопытства, кто это там? Я всегда была очень разочарована, когда наше воинство возвращалось и говори-

ло, что никого и ничего. Ведь этакия команды не раз собирались в зиму в поход на невидимого злодея, а в городе была тишь да гладь, даже обыкновенного воровства не случилось, но наши все боялись чего то, вот теперь бы, что с ними было бы, когда что не день то убийство, да грабежи, а мы живем себе без страха с весьма плохими запорами, привычка к ужасу наших дней сказывается, не было насилий, боялись разбоя, стали кругом разбои, не боимся. К Рождеству тетя ездила за Мишей и мы были в восторге от своего кадеты, не отходили от него, а он то важничал перед нами; нашей Алекс. Сер. не было Рождеством с нами, она ездила в Москву к больной матери. Как мы с Сережей мучались этим; доняла она нас ужасно, и вот Сережа говорит: «Вот бы мать у нее заболела и она уехала бы от нас!» Что же, не проходит часа, телеграмма, мать ее тяжело заболела. Сережа почувствовал себя как бы виноватым и все волновался, говоря со мной о своем пожелании, я тоже чувствовала вину.

Святками мы ездили к П <иотровским>, у которых была дочка Настя и воспитанница Вера, мы сдружились и время хорошо прошло, была у них елка, не хотелось уезжать домой, но ехать надо было, так как 5 Января везли Мишу в Орел. Увезли Мишу и мы стали ожидать А <лександрю> С <ергеевну>, которая должна была съехаться с тетей на ст. и с нею приехать – приехали они и с ними Маша. А.С. долго что-то рассказывала, мама качала головой, тетка уже с Машею не говорила, Маша была грустна и обижена, я видела это,

но ничего не понимала, потом уж из откровенных фраз, намеков, вообще наши старухи не стеснялись нашим присутствием, я поняла, что тетка заметила ухаживание Ал <ександра> Ан <тоновича> и недовольство его жены, сделала Маше в присутствии Ал. Ан. сцену и велела собираться домой, и так как тетку все боялись, Маша беспрекословно уехала, так ли это было, не знаю, но у меня сложилось в голове так. Маша же стала реже ездить туда, хотя все таки ездила, за Машей также ухаживал Ан. Ад., дома же ей тяжело жилось, а кто притягивал ее туда, Ал. Ан. артиллерийский офицер или Ан. Ад., страшно некрасивый и комик. Смутно я догадывалась о ухаживанье. К Пасхе Мишу не брали, наша жизнь разнообразилась только свадьбой жандарма, на которой мы были, так как наш квартирант сменивший долго жившего еврея, которого, как не имеющего права жительства, выселили совсем из города, хотя он целые три года откупался от полиции, а тут знать не осилил заплатить обнаглевшему квартальному, его выселили; как мы жалели Якова Самуиловича и жену его Ривку, такие они были хорошие оба (бедны были страшно), так вот этот квартирант выдавал свою сестру замуж за жандарма, мы очень развлекались этим, наши А <лександра> С <ергеевна>, Ав <дотья> Дм <итриевна>, Маша даже наряжались и завивались на эту свадьбу, памятна она мне осталась, потому что когда собрались гости, в числе которых был дьякон и подпольный адвокат, оба сильно пьяные, мы с А.С. все время говорили по французски,

вот облакат подходит к нам и говорит: «Вот что барышни, по французски говорите в обществе себе равных, не на свадьбе жандарма, так каждый из нас может думать, что вы говорите о нем, в нашем обществе говорить по французски даже неприлично!» Сконфузилась моя А. С. Еще потеха была, Ав. Дм. к делу и не к делу в разговоре всегда говорила: «в этом», а бывший здесь дьякон ко всему прибавлял: «в том то и дело!» Сидят Ав. Дм. и дьякон и беседуют, она беспрестанно говорит «В этом?» А дьякон: «В том то и дело!» Было комично.

Миша приехал в начале Апреля домой, в корпусе была свинка и их распустили, с его приездом стало веселей, хотя он сначала смотрел на нас свысока, а потом опять стал Мишей, а не Орловским кадетом. Среди лета наша А.С. опять была вызвана в Москву к умирающей матери, на этот раз мы ей этого не желали, но все таки без нее было лучше. Сережа был страшно нервный мальчик, а А.С. его часто раздражала и он рыдал так, что у меня сердце сжималось от жалости к нему, вообще я Сережу любила какой то жалостной любовью, его мне всегда было жалко (так до самого конца его жизни я его любила и жалела), а с отъездом А.С. как то ровней у нас стало. Не помню, сколько время она проездила, но однажды мама с нами ходила гулять и уже возвращаясь домой мы встретили дядю Андрея, который сказал, что был у нас и приехала А.С. и добавил: «Мать то у нее наконец умерла!» Мы бежим уже с трепетом домой, она нас встреча-

ет вся в слезах говорит мне что: «*Votre oncle est tout à fait sot ou mechant. Je lui disais que je suis apresant une orphelinne, et votre oncle dit moi „Grace à Dieu, A.C.“ Ma mère est morte, a il parle comme un homme mechant!*»³

Дядя был глухой и мне стало его жаль и смешно очень и говорю по русски: «Дядя, верно, подумал, что вы говорите: вот я и приехала!» Он и сказал: «Слава Богу!» Нет, наша А.С. заливается слезами от обиды. Потянулись опять наши занятия, Мишу отвезли и мы снова по очереди состоим в любимцах. В городе было большое оживление, открытие жел. дороги⁴ и Мишу уже повезли с разрешения начальства по ж.д., но на рабочей платформе, полной народа, ходили зрители ж.д. и наша Ав. Дм. говорила, что тут действует нечистая сила и покойный митрополит Филарет не благословил ж.д., откуда она это взяла, кто ее знает; еще казус такой, учу я урок географии о земле, она слышит и говорит маме: «Ю <лия> С <тепановна>, вот так и развивается негелизм, ведь это безб <ожие>, я бы на Вашем месте запретила эти уроки!» Хорошо, что А.С. не слышала, а то была бы история, она с Ав. Дм. никогда не говорила и иначе не называла как «*Cette personne*»⁵.

---

³ Ваш дядя совсем глупый или злой. Я ему сказала, что я теперь сирота, а ваш дядя мне говорит «Слава Богу, А.С.» Моя мать умерла, а он говорит как злой человек! (фр. с ошибками: *apresant* вместо *à présent*, *orphelinne* с двумя *n* вместо одного).

⁴ железнодорожная станция в Ефремове открылась в 1874 году.

⁵ эта особа (*фр.*).

К этому ж времени у нас объявился «политический», говоря современным языком, а тогда это был «негелист» по понятиям Ав. Дм. Сей политический был контролер на ж.д. и стоял у нашего знакомого дьячка довольно глупого, по доносу протопопа сего контролера забрали, дьячек все это нам в лицах представлял и до того путал, что его бросили даже допрашивать и не возили в Петербург, куда других возили, протопопа, семинарских учителей, учительниц, про этих последних говорили, что их будто высекли в 3-ем отделении, рассказывали так, что каждую по очереди сажали в кресло, кресло проваливалось и их под полом секли, все конечно этому верили, а дьячек Егор Мефодьевич говорил, что Царь наш дрянь и пора его убить! Теща на него кричала, называла дураком, тесть приходил и жаловался и просил уговорить Мефода (так мы его звали) не болтать. Но во всяком случае Мефод Аникееву не повредил, он нес чушь, следователи долго с ним бились и бросили его – а вот теперь бы наш Мефод насиделся бы в тюрьме, не посмотрели бы на его глупость. А книги то Мефод пожег в печи еще раньше обыска и этого не сказал жандармам, ему жена Аникеева принесла и просила сжечь, куда честный простой, глупый дьячек против протопопа, который книги брал у А <никеева> и донес на него.

работы план горюха, момент народа
содним символом ф. Д. и наша св. Д.
говорится, что мурь стал св. Д. св. Д.
св. Д. и некоторые минималист
Филарет и Благовестия ф. Д.
одна куда она Джо св. Д., кто ее
стала; еще Катер такой, у у у
географ и Филип, она св. Д. и
говорит какая: "О. С. в в м и
развивается некоторые, тады Джо
в Тю на наша в в в в
Джо урока!" Короче, кто с. с. на
а кто Тю и не св. Д., она св. Д.
не кто и не и на
кажд: "Cette personne." К Джо
в в в в в
объявил св. некоторые, то в
св. Д. и в в, а кто
Джо и не и и и
св. Д. св. и и и и
на ф. Д. и и и и
и и и и и
и и и и и

Судили и сослали, судили не у нас, не знаю где, прото-
попа тетя с тех пор видеть не могла и звала «жандарм си-

ние портки». Хотя политического тоже ругала, как ругала А <лександра> П. Вот это было у нас первое политическое дело в нашем городе, всколыхнувшее наше болото.

Осенью этого года, уехала наша А <лександра> С <ергена> к нашей великой радости, отъезд был в высшей степени удивителен и не ожидан, вышло это так: мама взяла на квартиру дочь одной помещицы, которая училась в прогимназии, это ей кажется было не по нраву, она как то все стала дуться и вот раз вечером, мы читаем в троём по очереди, какой то переводный английский рассказ под заглавием: «Хроника семейной жизни», рассказ жалостный, смерть матери. Мы, трое, начинаем плакать, но не желая показать слез, удерживая их, начинаем истерически хохотать, слезы градом и хохочем; она сидела в темной гостиной и оттуда начинает по французски меня бранить, стало обидно, я ей отвечаю: «мы вовсе не смеемся!», отвечаю нарочно по русски.

Ужинать она не вышла и на утро, мы ожидаем ее в классе, она не идет и заявляет маме, что при таких злых детях она жить не хочет, оделась и ушла к нашим знакомым и оттуда прислала за своим имуществом. Мама, хотя ей тяжело было сейчас оставить нас опять без учительницы, не стала уговаривать ее, и вот мы снова без руководительницы, мама наученная горьким опытом уж не решилась брать гувернантку, а пригласила начальницу прогимназии давать нам уроки, и эти уроки продолжались больше двух лет, мы оба полюбили Софью Васильевну и всегда с нетерпением ждали ее при-

хода, особенно Сережа. Кстати надо сказать, что Сережа был преоригинальный мальчик, выдумал носить лапти, кухарка ежедневно приходила его обувать в них и обертывать ноги онучами, сверх поделки надевал белый фартук, вязал чулки и вышивал.

Весной мы ездили к Троице, т. е. в Сергиевскую Лавру под Москвой, как только Миша приехал из Орла, так мы и отправились. С нами ездили Маша и Коля, поездкой конечно были довольны, только я теперь забыла, какое впечатление произвела на меня тогда Лавра, только помню, что из Лавры мы в компании трех девиц и одной вдовы ходили в пещеры и Вифанию и я, как никогда не ходившая, так разбила ноги, что возвращаясь оттуда с трудом тащилась и горько плакала от боли ног. В Москве мы пробыли не долго, были в Кремле и только совсем забыла впечатление, но хорошо помню, что в Москве был пожар и недалеко от той гостиницы, где мы останавливались, гостиница «Лоскутная», и мы испугавшись шума, в том числе и Коля, которому уже было лет 16, запросились домой, отправились на вокзал, поезда нет, пришлось ночевать около вокзала в плохенькой гостинице. Утром угораздило сесть на дачный поезд до Серпухова, где пробыли до вечера, гуляли на какой то даче, качались на качелях, к нам присоединились какие то молодые люди, превесело было, это я помню. Потом мы ездили к П. в деревню гостить и там с Сережей вышел казус; Ан. Ад. живший у П. управляющим и живший не отдельно, а в семье П <иотров-

ских>, вздумал жить самостоятельно, перешел во флигель (Ан. Ад. ссыльный поляк повстанец 63г., но православный, во время мытарств принявший православие – тоже верно ради хлеба насущного) устроил новоселье, мы все, П <иотровские>, Маша и соседи Боборыкины были у него, обедали, я сидела со взрослыми и с грустью поглядывала на стол детей, там сидели Миша, Сережа, Настя и Вера и очень весело хохотали. Кончился обед, мы, дети, вышли на крыльцо и Сережа все клал мне на плечо голову и вдруг вырвался через перила и моментально заснул, переполох между нами страшный, мама бледная, Ал <ександр> Ант <онович> волнуется, Б <оборыкин> тоже. Ал <ександр> Ан <тонович> берет его и несет в дом, голова у Сережи болтается, совсем мертвый, мы грустно потянулись за ними, сердце страхом замирает у меня. Положил его Ал <ександр> Ан <тонович>, спит, спит, еле слышно дыхание, мама села у ног. Я слышу, что Ал <ександр> Ан <тонович> говорит Настасье Яковлевне, своей жене: «Завтра велю запретить карету пораньше и скорей вести его в город, это что то ужасное!» А он спит себе да и только, и спал до 4х часов утра (с 4х вечера) когда проснулся, то говорит маме: «Есть хочу!» И объясняет, что во время обеда, ему сильно пить захотелось и он налил полстакана воды (а вода и водка были в одинаковых графинах) и выпил водки вместо воды, как не задохся!

Потащила его мама к Ан. Ад., который вставал рано и там напоили Сережу чаем. В Августе Мишу отвезли в Орел и мы

снова одни, познакомились с семьей Покровских, собственно мы были знакомы, а сам П <окровский> был отец крестный моих обоих братьев, долго не живший в нашем городе и только что вернувшийся с семьей, но вернувшийся совсем нищим с женою и дочерьми, Катей лет 28, Машей 18 и Соной 16, Мишей 14 лет (и которого почему то все звали «антихристом»). Бедны они были страшно, если куда идти, то надо было им послать шубу, барышни часто гостили у нас, когда соскучимся одни, то мама посылала свою старую шубку, и одна из них придет, чаще всех приходила Маша, она была умная, комик, но и зла тоже, и не хороша, мы ее любили, мама тоже. Соня была хорошенькая, но глупенькая, Катя манерная и тоже не умна; Катя дружила очень с нашей Машею, которая к этому времени совсем не стала уезжать к П <иотровским>, определилась учительницей рукоделия в прогимназию; также мама выхлопотала место учительницы русского языка нашей 1½ гувернантке Марье Васильевне, которая поселилась у тети Анюты, у нас прибавилось общества, стало разнообразней, мне тоже уже было 15 лет, в это время началась война с Турцией, шли добровольцы в Сербию, я и Сережа зачитывались известиями резни, дрожали от ужаса смотря на картинки в иллюстрациях. В мае этого года Сережу назначили в Орел в Кадетский корпус, и вот мы снова едем все и с Машей в Орел 22 июля, но едем уже по ж. д. Снова в Орле мы на той же квартире, только там другие хозяева, снова мама к Б <ейдельману> обратилась и тот

снова берет, только на этот раз 30р. (если бы жив был Вася, наверно прошел бы за 15р.), и я в этот раз познакомилась с семейством Б <ейдельманов> и несколько раз была у них, а кадет Б <ейдельман> у нас бывал ежедневно, тогда же я познакомилась с товарищем брата Миши Марковым, только мне сдается, что это был не Евгений Марков 2й знаменитый зубр, а Лев, хорошо помню, что Миша называл его сыном известного писателя Евгения Маркова, и он давал читать мне «Черноземные поля»⁶. А может это был и сам Марков 2й. Хорошо не помню, но теперь даже неприятно, если он был Лев, это знакомство. Сережа выдержал экзамен и за неимением вакансии определен мамой на свой счет.

По приезде домой мама подавала прошение Государю и с весны Сережа был принят на казенный счет. Дома, без Сережи потянулась для меня скучная жизнь, учење я окончила, вечно вышивать русския полотенца слишком было противно, читать не много приходилось, книга прямо редкость была, но с каким я жаром набрасывалась на попавшуюся мне книгу. В Октябре мама страшно заболела, простуди-

---

⁶ Евгений Львович Марков (1835—1903) – русский писатель-путешественник, литературный критик, этнограф; его двухтомный роман «Черноземные поля» издан в Санкт-Петербурге в 1876—1877 гг. Старший сын – Лев Евгеньевич Марков (1862—1936) – инженер, с 1907 г. предводитель дворянства Щигровского уезда. Активно содействовал проведению столыпинской аграрной реформы, принимал участие в монархическом движении. Младший сын – Николай Евгеньевич Марков (1866—1945) – российский политик и публицист, один из лидеров черносотенцев. Прозвище Марков 2-й из-за того, что в Думе был и другой депутат Николай Марков, а «зубр» – из-за сравнения правых с зубрами.

лась в цирке, куда мы целой компанией ходили, Мама, Софья Вас. Маша, Марья Вас. и Маша Покровская, мама схватила воспаление матки, все перемогалась, вечером так начала кричать, тетя побежала за доктором (Ав <дотья> Дм <итриевна> в то время уезжала от нас к П.), я осталась одна с ней, трясусь от страха, что мама умрет, со мной только 15 летняя девочка Маша, крестница мамы, прислуга же побежала за тетей Анютой, прибежала та, ей кухарка сказала: «идите скорей, либо застанете, либо нет!» Тетя как пришла, так и зарыдала, она сама всегда была больная и маму очень любила; тут появился доктор и фельдшерица, всю ночь я и тетя Анюта не спали, Маша тоже пришла, а утром пришла Маша Покровская и осталась ходить за мамой, она такая умелая была и мама допускала к себе ее охотно, а тетя Лида больше на словах ухаживала, ходила по целым часам в аптеку или возилась в кухне, маму она раздражала, главное, не стесняясь меня собиралась быть в случае смерти мамы быть нашей опекуншей, потом тете вздумалось справлять мое 16 ление. 25 Октября назвала гостей, вечером подняли хохот, возню, мама рассердилась, она тяжело больная, а у нас пир – да, деликатностью тетушка не обладала. Во время болезни мамы приехал Ал <ександр> Ан <тонович>, такой возбужденный, и говорит, что он идет добровольцем, так как стыдно сидеть, когда братья страдают, жалких фраз наговорил много, пригласил Машу ехать с ним сейчас же в деревню, помочь же не его проводить его, Маша смотрела на него, как на героя

и сейчас же уехала с ним, обидев маму своим отъездом, помню, мама сказала: «Глупо было ехать, никуда он не поедет!»

Остались мы с Машей П <окровской> около мамы, и потянулось время маминого выздоровления весьма долго, так как она сама была тому виною, не хотела есть рождественским постом скоромное, питалась одним манным кулишем, после которого принимала лекарство и снова ела кулиш, взяла здоровая натура, она окрепла. С нетерпением ждала я Рождества и приезда братьев. Перед самым рождеством поднялась такая мятель, поезда не ходили и тетушка к братьям поехала на лошадях, верст за 50, там была другая линия и там поезда ходили. Холод был такой, что у нас все окна из комнат были покрыты толстым слоем льда от верха до низа и мама, Маша П <окровская> и я сидели у печки в ватных кацавейках, прислушиваясь к вою ветра, жутко было, как поедут братья, числа 23 Октября они приехали и все таки на лошадях, наша дорога еще не работала. Святки прошли тихо, ни мы никуда и к нам никто. Маша вернулась от П <иотровских>, это была ее последняя поездка к ним, что произошло и почему ее уже не стали туда звать? Через год Пиотровские переселились в Харьков, где прожили 6 лет, он изредка бывал у нас, а семью мы не видели в течение этих лет ни разу. После святок я снова одна, работаю до одурения, Мама мне выписала «Ниву» (которую и до сих пор получаю, с 77 года), а газетами и книгами нас снабжала знакомая генеральша, тут я много прочла, библиотека у нее была замечательная, после

ее смерти зять ее продал за 10 тысяч и говорил, что это можно было сделать только спьяна. Началась война, и я вся была там, жаждала помочь, но, увы, что могла сделать!

Весной мама и я поехали в Ливны, так как мама, когда я еще не родилась, обещала, если у нее будут дети, то она съездит в Ливны и поклонится каким то мифическим святым, якобы лежащим в Ливнах, помню какой-то подвал, где нам поп служил панихиду святым, «имена которых Ты Господи носи!» Говорили, что на стенах этого подвала видны сами собой выходящие изображения монахов, О Христе зарезанных татарами, сколько я не смотрела на стены, кроме потоков сырости ничего не видела, из Ливен мы поехали в Орел за братьями, поездка меня прямо освежила, летом наша генеральша затеяла работать на раненных, и работу чтобы производить под руководством мамы у нас, стали собираться барышни Покровские, Маша и начали шить халаты, рубахи, я работала запоем, мне все казалось мало, все наверно меньше меня сделали, время летело быстро, братья тоже помогали и с ними один кадет, товарищ Миши, который влюбился в Соню, ей было 19 лет, а ему 16, она тоже врезалась; я так была увлечена работой, что совсем почти не заметила сего романа, кой-что рассказывала Соня, Миша трунил над нею, больше ничего не помню, вобщем что-то глупо-наивное. Но всему бывает конец, кончилась наша работа, но к сожалению вся наша работа осталась в Туле, куда тетя Лида сама возила тюки, и дальше не пошла, все осталось в Крас-

ном Кресте и сгнило в подвале, по обыкновению российской халатности и бестолочи дам патронесс.

Мы с Мишей зачитывались газетами и часто плакали навзрыд, как сейчас помню, гибель «Весты»⁷. Я читала Рус. Вед., сидела на пороге в галлерею, Миша около меня и как мы оба разрыдались, Миша положил голову ко мне на плечо и рыдал! Да, как вспомнишь ту войну и одушевление всех, невольно сравниваешь с Японской, там все и вся горели энтузиазмом, а здесь, стыдно как то, не больно, а стыдно, там военные могли поднять голову, а здесь должны ниже опустить, там герои, а здесь только единичные «человеки», говорю «человеки», а не «люди», ибо людей было много, а человек мало, были Гриппенберги, Сахаровы, Куропаткины и только! В конце лета чаще стали служить молебны, и мы с Мишей первые бежали на молебен и со слезами молились: «За Веру, Царя и Отечество» живот свой положивших. Конечно, теперь я знаю цену этих молебнов, и то что маленькая победа по приказанию раздувается в геройское дело, но тогда верилось без рассуждений.

В Августе мама, я и Маша ездили провожать братьев в Орел, где видели уже пленных турок, и я с ненавистью 16 летнего сердца смотрела на них. Вернувшись домой, жестоко почувствовала одиночество, всей душой привязалась

---

⁷ «Веста» – российский пароход. В ходе Русско-турецкой войны 11 июля 1877 года принял бой с гораздо более мощным турецким броненосным корветом «Фетхи-Булендом» и, несмотря на тяжелые потери, одержал победу. В.Д. видимо, путает, потому что погибла «Веста» десятью годами позже.

к недалекой Соне, такая потребность была иметь друга, хотя этот друг далеко меня не удовлетворял. Осень этого года разнообразилась иллюминациями, праздновали все победы, мы ходили смотреть площадки, как у нас говорилось, на улицах толпы народа, и иллюминации были в то время роскошные, теперь таких нет. Помню иллюминацию по взятии «Плевны», я тогда ходила кататься с Машей, внучкой генеральши, ей было 9 лет, мы обе, несмотря на разницу лет, были в восторге как от яркой иллюминации, так и криков ура! чуть не сами кричали. У меня, кроме Маши, еще были двоюродные братья Петя, Коля и Саша. Петя рано начал служить, 16 лет уже поступил телеграфистом, тогда называли «сигналистом». Петя был эгоистичный, всегда всем старался угодить, если видел для себя выгоду, терся около богатеньких, около которых не прочь был поподличать, по характеру комик. Коля, умней его, замкнутый в себе, гордый и ленивый, честный, но для себя пальцем не пошевелит, чтобы улучшить свое положение, что бы другие помогали ему. Петя же хотя с непохвальными чертами, но работник хороший, сам себе проложил дорогу, а Саша вышел несчастный алкоголик, нравственный негодяй. На них, оскорбленных и униженных, выросших на подачках и попреках, много взыскивать не приходилось, говорю о них, потому их много придется вспоминать в моем писании.

Святками братья приезжали, и мы по обыкновению тихо сидели дома, иногда катались, эти святки еще тем разнооб-

разились, что ожидали смерти Ав <дотьи> Дм <итриевны> (а она благополучно здравствует до сих пор), которая лежала очень больная, желала причаститься, но попы ей не нравились, а не говела она несколько лет, говорю об этом, потому что Миша тут отличился, насильно причастил Ав. Дм. Мама и тетя все волновались, что она умрет без покаяния, и вот мой братец, катаясь, встретил кладбищенского священника и позвал его на утро приехать со св. Дарами. Является и выпаливает, что завтра Алексей Петрович приедет с дарами. Ав. Дм. руками и ногами, она вишь не приготовилась. Миша: «Теперь уж, Ав. Дм. поздно, завтра в 7 часов батюшка приедет!» Утром пришлось ей исповедоваться невольно. По обыкновению накануне Крещения тетя повезла братьев, и снова одна между трех старух. Маша в это время уже постоянно жила дома и изредка на неделю приходила к нам, именно тогда, когда приезжал Ан. Ад., перешедший от П <иотровского> к Селезневу управляющим и почему то враждовавший с Машей, при встрече с нею не кланялся, она тоже злилась на него, но все таки старалась быть при нем, собственно как они помирились, не помню, как то раз он долго с ней сидел у нас в гостях и все что то шепотом говорил ей. Думается, что он ревновал ее к Ал <ександру> Ан <тоновичу>. С этого вечера он опять стал ухаживать за нею, и мучал же он ее, она худела и болела, мои старухи страстно хотели что бы он женился на ней и всячески поощряли, иногда только тетка, не отличавшаяся у нас деликатностью и долго

не видя результатов ухаживанья, принималась его невыносимо ругать и уверять, что он женатый и она это верно знает; но вот он наконец сделал предложение моей матери (почему ей?), помню, уже собравшись ехать, он просил маму поговорить с ним наедине, идут в спальню и там он сватается к Маше, конечно, как только он уехал, мама, сияющая, одевается и крестится и говорит: «Хоть бы моей Бог дал такого жениха!» Мне значит. (Ан. Ад. был препротивный, вральман и скверно о всех женщинах говорил, везде грязь выдумывал). Идет мать к тете Анюте, там, как потом рассказывала, тетя Анюта заплакала и сказала: «отдавайте, как хотите». И вот закипело у нас шитье приданого, Мама, Соня и я шьем, т. е. мы то с Соней только дурачились, но обе Маши, мама работали много, мама сама сшила ей венчальное платье, и сшила хорошо. Предложение было сделано в Феврале, а свадьба назначена в Сентябре, время было достаточно хоть и не для такого приданого, но нам всем делать буквально было нечего, и начали шить, измеряют, раздумывают, тетка в очках с озабоченной миной мерит какуюнибудь навлочку и 10 раз в день ходит в лавки за какойнибудь безделицей, вроде тесьмы, иголок, сразу не купить, ведь приданое делается, надо сейчас тесьмы, идет за тесьмой, через час пуговицы понадобились, идет за пуговицами, любила покойница ходить без конца, ведь так много было свободного время, работать же не любила.

Наступил Сентябрь, приехал жених и ему пришла фанта-

зия, чтобы мама пригласила попа и переговорила о венце, мама приглашает о. Дмитрия от Покрова, тот пришел, а я и Маша забрались на мамину кровать и слушали из спальни, как Ан. Ад. заикаясь просил о. Димитрия его венчать и показывал свои бумаги, тот говорил, что он Ан. Ад. венчать не может, так как у него в паспорте не написано «холост». Маша бедная даже застонала. Значит свадьба откладывается. Уехал Ан. Ад., ушла опечаленная Маша и принялась тетья Лида ругать Ан. Ад. и кричать: «Отказать ему подлецу! Женат он мерзавец!» На все это мама говорила: «Не ори, отказать недолго, а если она его любит!» (в чем я сомневаюсь, а выходила, потому что положение ее без исхода, 27 лет и отравленная жизнь дома, впереди еще хуже, «старая дева», чего в наше время страшно боялись). Мама от досады свернула венчанное платье и уложила в сундук. Так и потянулось у нас, от жениха ни слуха, ни духа, как то написал Маше, что священник о. Федор того села, где Ан. Ад. жил, написал ксендзу об Ан. Ад., а Ан. Ад. был уже православный и православие, как я уже писала, принял во время мытарств после 63 г., и какая-то сердобольная барыня его помазала миром, и еще будто хотела тогда выйти за него замуж. Так он сам рассказывал, но ему верить нельзя, он и на родную мать готов был нанести, как говорится, церковную тать.

В ожидании свадьбы наступили Святки, приехали братья и Маша вздумала устроить костюмированный вечер, шьем себе костюмы, мы, П <окровские>, Маша с братьями, весе-

лимся от души, Маша просто забыться хотела. Сначала шили костюмы, потом вечер, и мы не видали, как Святки прошли. Забыла сказать, что у нас под новый год всегда была всенощная, приезжал кладбищенский священник служить, потом пил чай у нас, встреча года была значит с молитвой, да действительно, как то тихо, мирно мы встречали много лет таким образом. Снова будни и я одна между 2х старух (Ав <дотья> Дм <итриевна> эту зиму не жила у нас, а приехала только в Январе), которые очень озабочивались, что Ан. Ад. не является, не был Святками. Мама нанимает лошадей и посылает Петю к нему и говорит: «Не будь мокрой курицей!» Съездил Петя и говорит, что от ксендза все еще нет ответа, тетка опять за ругань, как сейчас помню этот день, метет пол и ругает Ан. Ад. Я молчу, молчит и мама. У нас в Январе было несколько дней к ряду именины и рождения, 23 Января рождение Маши, 24 рождение тети Лизы, 25 рождение тети Лиды и 26 именины Маши, отпраздновали мы эти дни, а жениха нет как нет, а через неделю масляница. 27го вечером приходит Маша и говорит печально: «приехал Ан. Ад.» Мама: «Ну, что ж, свадьба?» «Завтра он назначает свадьбу» отвечает Маша. «Завтра, а у нас ничего не готово, и денег у Ан. Ад. нет!» Мама дает Маше 100р, еще берет деньги и едет покупать кольца, фату и свечи. Мы же с тетей идем к тете Анюте, там непременно захотели благословить жениха и невесту, а дома прислуга моет полы, так как от венца Маша захотела приехать к нам, больно уж до-

ма было неприглядно. В 10 часов их перевенчали, Маша была страшная, всегда была такая хорошенькая, а под венцом желтая, старая; были Покровские с отцом и матерью, дядя Николай с женой и дочерью горбатой Анютой, братья Маши и ее старики и единственный посторонний человек, это Петей приглашенный шафер, присяжный шафер нашего города, чуть не 40 свадьбу шаферствовал у Маши. Соня и я дурачились очень, обе напились донским до пьяна, обе были молоденькие из всей компании, молодые у нас пробыли до глубокого вечера, 29 утром уехали в деревню, проводивши их, мы вернулись домой все вспоминали нашу свадьбу с няней Анной Афанасьевной, которая уверяла, что я лучше всех была, оно и немудрено, когда никого не было, в этот же день приехали Ав <дотья> Дм <итриевна> и Анна Ивановна, наша милая Анна Ивановна получила место начальницы в прогимназии. Тут скоро я прихворнула, у меня появились чирьи на колене, верно простудилась на свадьбе.

Весной мы с мамой ездили в Орел за братьями и потом из Орла поехали в Воронеж к Митрофанию, собственно Воронеж мы тогда не видали, были в монастыре, религиозности во мне совсем не было, да также и в юных братьях, любопытство было да и только, вообще на сколько помню, где я бы не была в монастырях, на меня не производило это никакого впечатления; да и мудрено, жирные монахи, служба молебна, как говорится: «Нашим, вашим», обирание денег не могли иметь влияния на мою чуткую душу. Из Вороне-

жа мы поехали на лошадях в Задонск, эта поездка была приятна, погода была чудная, ехали 80 верст, останавливались кормить лошадей на постоялом дворе, еще не рассветало выехали, все это было не заурядно, а ново.

В Задонске мы побывали в монастыре Тихона и ходили пешком в женский монастырь, бродили по городку и на лошадях же поехали до Ельца, и там уже по железной дороге домой; этим же летом Маша захворала, ее привезли из деревни, говорили, что началась женская болезнь, от которой она всю свою жизнь страдала. Осенью Колю взяли в солдаты и увезли в Киев, еще скучней стало, он ежедневно ходил к нам, теперь оставался один Петя нашим ежедневным посетителем, а Саша начал пить, не смотря на свои юные годы. Через Машу мы познакомились с семьей конторщика Ан. Ад. и я полюбила очень старшую дочь его Таису; их было две, обе были необразованные, почти безграмотные, но Таиса была милая, Лиза глупей, бабушка и мать были антики своего рода, таких теперь не встретишь, да и он тоже, когда то блестящий офицер, как и почему судом офицеров заставленный выйти из полка, без денег, говорили, что он вину женатого товарища принял на себя. Потом Н <иколай> А <лександрович> к какой то графине поступил в роли чуть ли не шута, и вот графиня, желая показать своей 7 летней дочке свадьбу, женила его на Авдотье Иван., дочке мелкопоместной дворянки, 16 летней девочке, у них было 7 десятин земли или около того. Женившись Н <иколай> А <лександрович> ка-

кими то судьбами попал конторщиком к Селезневу за 15р., будто когда Селезнев спросил, сколько он желает жалованья, отвечал: «15р.» Жили они в избе, перегородженной досками, девочки спали в чулане, тут же была и кухня, вонь у них была не вообразимая, Н <иколай> А <лександрович> никогда не говорил со своими, сидел за перегородкой, читал и клеил коробочки, в обществе играл роль шута, например придет к Ан. Ад., начинает. «Вот я шел, шел, шел...» без конца говорит это. Я ему скажу бывало, когда надоест: «Пора, Н <иколай> А <лександрович> уже придти!» «Вот я и пришел, пришел...» и опять без конца. Раз он как то мне сказал, что он хочет написать о своей жизни, не знаю написал ли? в чем сильно сомневаюсь, в нем все было мертво. Ав <дотья> Ив <ановна> все болела и говорила, что она «у смерти», но болела кажется в воображении, вечно лежала и только в прошлом году умерла. Бабушка была просто страшна, но умна, прожила чуть не до 100 лет, мы с Мишей ее даже любили, она была оригинальна, они стали часто бывать у нас, Ав <дотья> Ив <ановна> лечилась в городе. Познакомились мы с ними за годы Машиного замужества, знакомство это было смешно: идем я и мама к тете Анюте, дело было летом, видим, едет пара кляч, мужик в посконной рубахе сидит впереди, а сзади три закутанные фигуры в громадные платки, все четверо громко между собой разговаривают, поровнялись с нами, одна фигура (бабушка) обращается к нам: «Позвольте Вас спросить, где тут живет Ю <лия> С <тепа-

новна> З <юзина>? «Это я», говорит мама. «Ах, Господь Бог Вас послал нам, мы ведь к Вам, Ю <лия> С <тепановна>, едем, Ан. Ад. говорил нам, что Вы такая добрая и Вы нам бедным поможете, мы первый раз в городе, никого не знаем!» Мамочка моя сейчас же повернулась домой, и они потащились за ней, я же пошла к тете и тут в лицах представила, что какие то кикиморы ехали искали Ю <лию> С <тепановну>. Маша, Соня и Маша П <окровская> сейчас же отправились к нам смотреть антиков, да действительно было на что посмотреть, в город они попали в первый раз в жизни, одеты были невозможно, платья допотопные, они приехали лечиться и по совету Ан. Ад. прямо к нам, так как мама наша была душевный человек. Смешны были очень, мама пригласила их ужинать и вот они все три стараются есть с одной тарелки, мама передает тарелки, а они благодарят и говорят: «Не беспокойтесь, мы с одной!» Утром тетя Лида их к доктору водила. Уезжая, бабушка подходит к маме и спрашивает: «Сколько, Ю <лия> С <тепановна>, вы с нас положите за ночлег?» Мама и глаза вытаращила, бабушка кладет перед ней 40к. Ну, где теперь такие антики? Но потом с приездом Маши в село девочки начали преображаться, она большое внимание обратила на них, стала Таису возить с собой к нам, занялась их костюмами, вот с грехом пополам стали походить на людей, хотя Таиса и Лиза говорили: «Крипива, вириятно, встревать». Когда они попали в первый раз на ст. железной дороги, то жандарма, в то время ходившего в мед-

ной каске, приняли за самого большого начальника. Таису уже сватали разные деревенские лавочники, как то мы зимой были у Маши, ездили к ней на именины, прогостили у нее 10 дней и вот в течение этих 10 дней при нас, раза четыре приезжали сваты с женихами; одно такое сватовство я видела даже.

Вздумали мы кататься на салазках, Петя, Таиса, Лиза и я, идем на лед, вдруг от конторы бежит девка и зовет Таису, та уходит. Накатавшись идем к ним в хибарку, вижу, Таиса в новом платье сидит и какие то бабы, мужчины, бабушка угощает чаем, когда мы с гамом и шумом влетели, то Ав <дотья> И <вановна> и бабушка страшно сконфузились, даже и присесть не пригласили, пошли мы с Петей удивленные, уже Ан. Ад. объяснил, что это еще жених приезжал. Даже тетя Лида сватала ей приказчика и устраивала смотрины у нас, и я играла в дурачки с женихом и невестой. Смехота да и только, она жеманится, а он искоса на нее поглядывает. Старалась тетя, но жених заломил 2 тысячи, а бабушка давала 1000. Таиса часто у нас гостила, Миша и танцам обучил. Через два года после свадьбы Маши я долго у нее гостила летом, Таисы не было, она и Ав <дотья> И <вановна> уехали в Орел к родственникам, Ан. Ад. все толковал, что Таису там непременно просватают, уверял, что все оттуда писали письма, и вот Ав. И. собралась и уехали, тоже настолько просветилась, что даже в губернский город покатила ее дочка. Раз как то Ан. Ад. не было дома, мы с Машей долго

проспали, еще Маша лежала, влетает Лиза и говорит: «Наши приехали, бабушка и мамаша Вас просят сейчас же придти, а я побегу к матушке Ев. Петр.» Уж не Таису ли просватали? спросила Маша. «Не знаю, ничего не знаю», говорила Лиза уходя. Идем. Входим, видим, сидят все за чайным столом, попадья уж тут, просят и нас откушать чаю, садимся. Бабушка встает и торжественно говорит: «Поздравьте, господа, Т <аисию> Н <иколаевну>, она дьяствительно (она так выговаривала) выходит замуж!» Надо было видеть бабушку в этот момент, никогда и ни у кого до комически торжественного лица я не видала, как у нее. Поздравляем, целуем невесту, спрашиваем, кто он? «Не знаю!» отвечает невеста. «Нравится ли?» «Не знаю!» Глупо улыбается и только, Маша даже рассердилась, а бабушка твердит: «Жаних, как жаних!»

А мамаша твердит: «Вежлив, как он умеет ухаживать, не то что мой Миколай Александрович!» Становилось досадно, кто он не говорят, бабушка говорит: «Покажи, Таичка, жениха подарки!» Показывают шелковое платье, браслет, часы, но кто неизвестно, уже после узнали, что составитель вагонов; Таиса прямо поглупела, жеманилась и очень гордилась, что выходит замуж да еще в губернский город. Свадьбы я не дождалась, уехала домой, мама очень соскучилась без меня, прощаясь со мной, Т <аиса> очень плакала, мне стало ее очень жалко, без всякого рассуждения выходит себе замуж, да впрочем что ей было делать иначе, бедна, необразована, идти в горничные стыдно, все таки дочь офицера,

но кажется именно так она не думала, а шла, потому что девушке надо выйти до 20 лет замуж, а после 20, все станут обегать и звать «вековушей».

В Августе мы поехали в Орел, Миша окончил корпус и его из Орла отправляли в Петербург в Константиновское училище, на ст. Хомутово. Маша хотела присоединиться к нам, ей тоже хотелось проводить Мишу. Подъезжаем к ст. под проливным дождем, Миша и еще его товарищ Алексеев выбежали смотреть Машу и провести к нам в вагон, слышим голос Маши сказавший: «Миша!» И с ним идет Таиса, Лиза и муж Таисы, именно встреча с Т <аисой> совсем была неожиданна, я ужасно обрадовалась Т <аисе>, очень интересно было видеть ее мужа. Весело ехалось нам в этот раз, до сих пор в памяти эта поездка, которая по веселости ни разу не повторилась после, всю ночь мы шалили, соседи не могли быть нами довольны, такой в вагоне был шум, Сережа и Лиза заснули и вот Миша, муж Т <аисы> и Алексеев их связали друг с другом, они спят себе и ничего не слышат, будим, вот тут потеха, они, ничего не понимая, не могут отделиться друг от друга, чуть не подрались между собой, пока сообразили в чем дело, Лизе было 15 лет, а Сереже 14. В Орле мы пробыли 5 дней, были несколько раз у Т <аисы>, обстановка у нее мещанская, дом свой (теперь отлично живет, хорошая и разумная мать, дочь у нее фельдшерица, поняла, что теперь, как она вышла замуж, уже не выходят). Мишу увезли в Питер, а мы поехали обратно втроем домой. Снова потяну-

лась до одури скучная жизнь, Святками приезжал один Сережа, Миши не было, грустно нам было с ним страшно, гуляли да дома сидели. 2го Марта мы были страшно потрясены убийством Александра II. Как сейчас помню этот день. Заметив 2го странное движение по улице и заунывный благовест в неурочное время, мама выслала свою прислугу на улицу. Настя врывается с улицы и голосит, прямо голосит: «Батюшку нашего убили!» Я вообразила что протопопа и кричу: «Петра Евграфовича!» «Царя, батюшку, кормильца нашего!» Мама заплакала и сейчас же оделась, и я тоже, и пошли к собору, на площади масса народа и служат панихиду, народ рыдает, заплакала и я когда вся масса пала на колени. Да, плакали об нем, заплачет ли кто либо теперь о Николае II? Разве перекрестится и скажет: «Слава Богу»?

Царь убит был 1го Марта, а у нас узналось только 2го. Рассказов было много и чего то все боялись, проклинали убийц, даже тетя уж не ругала Александра II за его мученическую смерть. Летом приезжал Сережа, и мы с ним ездили к Маше гостить, но скучно было страшно, Маша все время была не в духе и сильно придиралась ко мне, она вообще иногда сильно придиралась ко мне, то я ей не нравлюсь, не хороша собой, то держать себя не умею, иной раз прямо как ненависть чувствовала ко мне, а то ничего, еще в ранней юности я замечала это, бывало обидно, так вот и в этот раз. Пребывание в деревне было у нас на этот раз тревожное, кроме недовольствия Маши, случился пожар, сгорела школа, это

было 5 июля, день именин Сережи.

Маша выдумала печь блины, пришла Лиза, мы весело болтали, пока Прасковья начнет печь. Сережа был любитель блинов и очень смаковал предстоящее пиршество, вдруг раздается набат, с криком «пожар» мы бежим на улицу, школа близко усадьбы, рядом с деревянной покосившей церковкой, день жаркий, народу никого, Ан. Ад. тоже дома не было, мы бежим к попу, Сережа за трубой, Н <иколай> А <лександрович> трусит туда же, видим, Сережа сидит на трубе и палкой что есть силы погоняет лошаденку, сзади единственный рабочий и оставшийся машинист, все в поле, школа заперта и горит изнутри, попадья с ребятами таскают свое имущество, попа тоже дома не было, кругом училища два-три человека. Н <иколай> А <лександрович> разбил окно и спас хрустальную вазочку учителя, стоящую на окне – это единственная вещь спасенная; мы с Лизой вздумали носить воду, схватили кувшин у попа с квасом, вылили в бочку, да форму от кулича, и отправились к реке, Лиза набрала водой кувшин, а я громадную форму, с которой еле-еле выбралась из грязи, ноги вязнут, то одну туфлю оставляю в иле, то другую, воды так и не наносили. Сережа с машинистом качали трубу; подъехал батюшка и сменил Сережу, Маша с образом стояла у ворот, школа благополучно догорела, и догорела до бревнушка. Блины мы ели уже только в 6 часов вечера, которые были отвратительные, кислые.

Помню еще страшную трех дневную грозу, которой я тру-

сила страшно, вообще я ее боялась, но эту в особенности. Был у нас в этот вечер о. Феодор, и я что-то с ним поссорилась, уходя он сказал обращаясь ко мне: «Убей Вас грозой!» Туча заходила страшная, это было еще до пожара, кроме меня и Сережи гостил у Маши Саша, он и Сережа крепко спали, Ан. Ад. беспрестанно их будил, так было страшно, Маша на коленях читала акафист, я же вообразила, что вдруг слова попа исполнятся и меня убьет грозой, забралась между шкафами и сидела так всю ночь, такую грозу во всю свою жизнь я видела один раз, в эту ночь 500 человек погибло под Чернью, так называемая «Кукуевская катастрофа»⁸, это верст 50, 60 от Спасского, где мы были. Ливень был такой, что там вымыло насыпь и рельсы висели на воздухе, поезд провалился в шумящий поток. Повторяю, гроза продолжалась три дня, но уже с меньшей силой, сидим в доме, Ан. Ад. получает газеты и читает о смерти Скобелева, мы заплакали, это был герой Турецкой войны, Ан. Ад. пишет записку попу: «Горе нам, Скобелев умер!» Поп сейчас же приходит и говорит: «Ты не врешь!» Ан. Ад. читает, когда прочел: умер генерал от инфантерии М. Д. Скобелев, поп качает головой и говорит: «Ишь какая болезнь!» Он вообразил, что этак названа болезнь от которой умер Скобелев. Сережа начал при всеобщем смехе ему объяснять.

---

⁸ Кукуевская железнодорожная катастрофа (от названия близлежащей деревни Кукуевки) – крушение почтового поезда, произошедшее в ночь с 29 на 30 июня 1882 года на 316 км перегона Чернь – Мценск Московско-Курской железной дороги. В результате крушения погибло 42 человека, 35 было ранено.

Прогостили мы недели три, так как повторяю, что Маша все время была не в духе, я рада была уехать, помню раз я даже плакала от ее придировок, выехали мы с Ан. Ад. до свету, скверно себя чувствовали, спать хотелось страшно, холодно, дремлется, часов в 7 мы приехали домой и мама нас встречает словами: «У нас гости, Пиотровские, мать и дочери», не видали мы их лет 7, интересно возобновить старое знакомство, но в первое свидание ни барышни, ни мы не чувствовали приятности, стеснялись, они все с друг другом разговаривают, говорим друг другу «Вы». Промучались целый день и вздохнули свободно, только после отъезда их, не понравились они нам, потому что они взглянули на нас свысока, только что выдержали экзамен при харьковском университете (за 4 класса сдали) а я только с домашним образованием. Ну это скоро с них сошло и при второй встрече с Настей, которая сама сказала: «Будем попрежнему Будем попрежнему на ты!» сразу встали на дружескую ногу. Настя болезненная, но очень умненькая девушка, но немножко экзальтирована, как все обиженные природой, она кособокая, но личико хорошенькое, рост страшно маленький, чем она очень проигрывала. Вера тоже была недурна, с чудным цветом лица, с миньютюрной фигуркой и густой темной косой, но характером хуже Насти, много о себе думала, хотя только воспитанница П <пиотровских>, дочь дьякона, когда у П <пиотровских> умерла вторая дочь Женя от дифтерита, то Ал <ександр> Ан <тонович> взял Веру и воспитал наравне

с Настей.

В Августе приехал Миша из Петербурга на 3 недели, Сережа при нем пробыл только три дня. В день Мишиного отъезда мама подходит ко мне, а я еще спала, и говорит: «Ты здорова?» «Здорова», отвечаю удивленная этим вопросом я. «Так едем Мишу провожать в Москву, потом к Троице и на выставку». Не помню себя от радости, кажется и во сне не видала возможности побывать на выставке. Едем, в Москве распрощались с Мишей, поехали к Троице, в дороге познакомились с одной купчихой вместе с нею поселились в Н и вместе с нею обозревали Троицкую лавру, ездили в пещеры и в Вифанию, впечатление совсем не религиозное у меня, хотя на этот раз я с большим вниманием отнеслась к сему историческому месту, но монахи, это что то до безобразия скверное, жирные, нахальные, кудрявые и в атласе. Пробыли мы тут 3 дня и поехали в Москву, распрощались с Ав. Ан., славная она была, она поехала в Ростов-на Дону, а мы в Москве остались, приехав в гостиницу, еле напившись чаю, мы поехали на выставку, но улицу и как называлась гостиница не запомнили. На выставке действительно всего я насмотрелась, поражалась многому, и особенно произвели на меня впечатление картины, «Пожар Москвы» и «Неравный брак» остались в памяти. Очень поздно мы возвратились в Москву и тут то вопрос, где мы остановились, буквально не помним, устали страшно, остановилась конка «у Иверских ворот», слезли и не знаем куда идти, ходим, ходим, скоро ночь,

а мы на улице, мама даже почернела в лице, верно и я была хороша, растерянные, обратили на себя внимание какой то госпожи, которая обращается к нам и спрашивает: «Не случилось ли с вами чего?» Верно были хороши.

Высказываем ей свою глупость. Она спрашивает: «Не поразило ли Вас, когда Вы выходили из своей гостиницы, что либо на улице, дом, церковь?» Мама вспоминает, что обратила внимание, что напротив громадный черный дом покоем. Она сейчас же вспомнила, что это книжный магазин Карбасникова, и проводила нас до него. Смешно и глупо вышло у нас это блуждание, показало до чего мы бываем халатны. Вернулись благополучно домой и снова потекла моя жизнь скучно-мирно, разнообразясь часто перепиской с Настей и Верой. Святками приезжал опять один только Сережа, были мы с ним на званом купеческом вечере, то-то тошнотворно то было, барышни сидят рядком и ни слова, за то ужин был до того обильный и так много пили мужчины, но дамы ни-ни. Но вечером по очереди хозяйка каждую приглашает к себе в спальню, там был полный стол бутылок и закусок. Долго мы с Сережей вспоминали разные казусы этого вечера. В Январе вернулся Коля из солдат и мы с ним поехали к Маше на именины.

В Марте умер дядя Андрей [*Герасимович Райский*], последние три года он все глупей и глупей делался, у него по всей вероятности был прогрессивный паралич. И чего только с ним не было в течение этих лет, раз сварил лицо в кружке чая, пришел из бани, ему тетя Аня налила его громадную кружку и отнесла к нему в коморку, его уж не сажали за неряшество за общий стол. Старик попал как то лбом в кружку, дурно ли ему сделалось, заснул ли? Долго не несет он кружку, тетя посылает Сашу посмотреть, выпил ли он чай. Саша приходит и видит отца лежащим лицом на кружке, он поднимает его, лоб обварен, громадный пузырь.

А другой раз по обыкновению пошли мы после обеда к ним, входим на двор, валяются тряпки, вонь гарью страшная, входим, обе тетки сидят на диване и говорят: а мы было сгорели. Их прислуга Татьяна тут же и все три вперебивку рассказывают: тетя Аня затопила соломой печку в коморке старика, тетя Лиза сидела в дальней комнате за пальцами, а Татьяна через двор в кухне, слышит тетя Лиза, что Анна кричит: «ай, ой...» «Что это, думаю, Аня кричит!» пока дошла, комната вся в огне, тетя топчется на одном месте и кричит свое «ой», потом, опомнившись, она побежала за Татьяной, пока та прибежала, старик все там, одел шубу и стоит в огне. Татьяна на улицу и закричала «Горим», тут отец Покровский шел, бросается к ним и уже он выта-

шил старика, там набрались соседи и залили горевшее тряпье и платье старика, мы пришли, старик уж в своей коморке копается, при нас вышел из коморки и говорит «Анеша! Ничего не вижу!» взглянули мы, а у него все лицо черное, опухло, потрескалось и глаза заплыли, струхнули, страшно за его глаза, послали за доктором, к счастью глаза целы, но ожоги лица и рук страшные. Смерть он тоже получил необыкновенным образом. 2 Февраля тетя Лиза просыпается ночью и видит огонь в передней, перевернулась на бок и подумала, верно старик идет к заутрени, спит, просыпается вновь, опять огонь горит, думает: «Ишь, старик верно забыл потушить свечку», и снова спит. Встала Татьяна и выходит из кухни, уже этак часов 6 и слышит, кто-то у ворот зовет: «Татьяна, Татьяна!» Смотрит, старик в одном белье и на босу ногу калоши, берет его и ведет, а у него, говорит, ноги стучат, как деревянные. Коля потом осмотрел, где он бродил, у них был громадный сад, старик весь сад обошел и двор до самых ворот, сколько время он бродил, никому не известно, заболел с этого дня тифом, ноги отмороженные почернели, проболел до 4го Марта, страдал ужасно, ходил за ним Коля, но тетя Лиза все это время почему то ругалась и уверяла, что он притворяется и никогда не умрет. Хоть плохой он был человек, но перед смертью то это далеко не по христиански выходило, да и обидно для детей, приехала и Маша, которой ужасно было тяжело слушать брань и проклятия на умирающего. Петя страшно плакал, когда умер отец, ему тоже казалось, что

старик больше блажит, уж очень он тяжел был, но Коля, это такой сын, целые дни возился с ним, ни разу даже не пороптал на него. Вообще все таки было жалко старика, умершего такой смертью. За год перед этим умерла наша няня Анна Афанасьевна, эта не болевши, на своих ногах, когда провожали брата Сережу в Августе она долго смотрела ему вслед, когда мы пошли на вокзал, и все говорят крестила его и говорила: «Не увижу я его больше!» Через неделю и умерла. Весной с приездом Сережи мы поехали в Архангельское к Пиотровским, Коля ездил с нами, приятно и дружно провели время, Настя увлеклась Сережей очень, да и он не был к ней равнодушен. В Августе мы его поехали провожать в Орел, а оттуда в Петербург, а Мишу встречать в Орле офицером, мы приехали раньше Миши, оставались на вокзале поджидать поезда, с которым приедет Миша, он приехал, как мама его встретила, плакала от радости: «сын офицер!» Остановливались мы у Таисы, пробыли 5 дней, Миша проводил Сережу в Петербург, мы простились у Таисы, а он на вокзале. В этот раз я уж не грустная возвращалась домой, с нами ехал Миша, с которым мы тоже уехали гостить к П. на Александра Невского, Саша был именинник, Настя и Вера от Миши в восторге, да он красавец был, громадного роста, с большими голубыми глазами, темноволосый, статный. Вера влюбилась в него, как позднее сознавалась, да и мудро было не влюбиться, хорош он был, а Верочка пока никого не видала. В течение, пока Миша гостил, мы виделись часто, время

летело, и вот Миша должен ехать к месту назначения в Воронеж, мы с мамой поехали его устраивать, это было в конце Сентября, поехали в чудную погоду и вот начали искать ему квартиру. Города не знаем, уж мы ходили, ходили, как сейчас помню 23 Сентября, заблудились, зашли за Александровский монастырь, наступила ночь, гроза, ливень, выбрались, промокли до нитки, взяли гитару, так в то время называлась в Воронеже извозчичья линейка и когда приехали в гостиницу, Миша сдирал с меня промокший лиф, рукава так намочили, что я без помощи не могла их стащить.

Устроили его, мама купила ему все необходимое и поехали оставив его. Когда мы уже сели на извозчика, а он шел в первый раз на караул в дисциплинарный батальон, я оглянулась, а у него по лицу бегут слезы градом, так тяжело ему было, прямо со скамейки, жизни не знал и среды, в которой ему отныне вращаться – это он позднее сам говорил, а лет ему было только 18. Домой мы вернулись в конце Сентября и потекла наша однообразная жизнь, новых своих подруг не видала до 4го Декабря, но была с ними в оживленной переписке, чего только мы друг другу не писали, письма были в три-четыре листа. С Покровскими я уже больше года как разошлась, мы не бывали друг у друга, Маша и Соня сделались профессиональными сплетницами и прямо тяжело было слышать от Маши, как она перемывает косточки ближних, и все грязь и все грязь выкапывала только. К 4му Декабрю приехала Настя с матерью, хочу сказать несколько

слов об этой хорошей женщине, кто ее не знал, тот считал ее недалекой, потому что она в обществе всегда конфузилась и молчала, а на самом деле была очень неглупая, добрая, и мы с Сережей очень любили. Пробыли они у нас целую неделю, Настя лечилась, она совсем плоха была, сильное малокровие, делалось часто дурно, но всегда веселая, и уж болтали ж мы с нею, особенно после визита доктора, который тоже был чужак порядочный, вечно обрушивался на меня, что я не выхожу замуж: «Этакая богатая натура и пропадает даром!» говорил он, приедет просидит часа два, наболтает с три короба, и мы потом с Настей пропадем от хохота. К Святкам приехал Миша из Воронежа и Сережа из Петербурга, на третий день Праздника мы уехали к Пиотровским, где под новый год был костюмированный вечер, у нас у всех были хорошенькие костюмы, были соседи П <иотровских>, две-три семьи, семья попа, еще некий окончивший Петровскую академию Утехин⁹, который нам много пел и играл на рояле, танцевали мы чуть не ежедневно, Миша знал массу игр, с утра у нас начиналось веселье и до 2—3х часов ежедневно. У <техин> сильно ухаживал за мной, Сережа за Настей, Миша за Верой, влюбленность так и носилась в воздухе. Познакомилась я в этот раз с барышнями Корсак,

---

⁹ Утехин Николай Владимирович (1858—?) — управляющий сельскохозяйственной фермой, общественный деятель (Казань). Печатался в изданиях «Казанская газета», «Сельское хозяйство и лесоводство».

Клавдией и Наташей¹⁰. Наташа страшно некрасивая, но живая, Клавдия хорошенькая, но какая то чудная (позднее она отравилась), разочарованная. У <техина> прозвали птенчиком, хотя это к нему шло, как корове седло. Вера сочинила на него и на меня целую поэму, она недурно писала стихи, кой какие есть еще у меня до сих пор. Настя тоже писала стихи (а теперь даже и прозу, печатала в «Русском Богатстве» и других). 4го Января мы только вернулись домой и дня через два проводили братьев. Опять одна, но живется легче, по два раза в неделю получаю и пишу письма подругам. К весне у Пиотровских появилась новая девица Петухова, у которой Ал. Ан. был опекуном, святками она при нас приезжала в первый раз, а к весне совсем перешла к ним, очень юная была, дичок какой то, недурная собой, мать ее умерла от пьянства и она была в очень некрасивых условиях, хотя средства были. Про нее много-много глупостей говорили тоже, даже говорили о сношениях с кучером, но верить этому не хотелось, уж очень была молода, не было полных 16 лет.

В Мае мы с мамой поехали в Воронеж проведать Мишу, рад он был очень, помню, мы приехали к нему, его не было дома, разобрались, и я на стенке развесила свои платья, легли спать, часов в 12 он приходит, мама денщику Феодору

---

¹⁰ Наталья Корсак (в замужестве Малиновская, 1865—1945), первая жена большевика Богданова, философа и автора романа «Красная звезда»; акушерка, принимала роды у С. А. Толстой.

не велела говорить, что она приехала. Миша входит, на стене юбки и сурово спрашивает Феодора: «Это что?» Молчит. «Тебя спрашиваю: «Что это?» Молчит. Миша сердится, тогда Ф. отвечает: «Мамаша приехала» Миша бросается в комнату и прямо на колена к кровати мамы, видно, что рад был.

Пробыли мы в Воронеже дней 10. Потом вернувши ездили в деревню к П <иотровским>, а в Августе приехал Сережа и мы с ним снова к П <иотровским> в деревню, там гостил в то время брат Веры, Вася, студент Киевской духовной академии, славный был парень, но тих и вял был ужасно. Настя и Сережа влюблены друг в друга, я поверенная у него и у нее, славное было время, чисто без всяких запросов, а просто молодость, все в розовом свете, светло на душе, светло кругом. В это же время Маша стала бывать у Пиотровских, девочки к ней относились с большим уважением, Настасья Яков. с дружеским вниманием, а самого почти никогда не бывало дома, без него легче жилось, с его приездом какая то появлялась натянутость, хотя он воплощенная любезность, Нас. Як. делалась замкнутой. Приезд Сережи был недолгим, с небольшим две недели пробыл, и вот мы его снова провожаем, на канун его отъезда приехала Настя, провожали мы его ночью, Настя не ездила на вокзал, но вернувшись я подошла к ее постели, Настя плакала.

Самое главное то я и забыла, как я познакомилась с своим мужем. Это было в нашу летнюю поездку к П <иотровским>. Еще до поездки я получаю письмо от Насти и Веры, где го-

ворится о Павле Адольфовиче Герне, и как то Ал <ександр> Ан <тонович> бывши у нас очень много говорил о нем, что вот приедет в Архангельское к Селезневу¹¹ очень образованный молодой человек, сын генерала, даже говорил раз мне, когда я по обыкновению дурачливо уверяла, что я в кого то влюблена (уж не помню, в кого я уверяла), «что вот погодите, будет у нас летом молодой человек!» Едем, и дорогой кучер нам рассказывает, что вот приехал в Архангельское барин, но нехристь, лба не перекрестит никогда. У Пиотровских об нем только разговору, Н <астасья> Я <ковлевна>, барышни ежедневно к обеду, а он приезжал каждый день, одевали новые платья, меняли прически, а я кроме малороссийского костюма ничего не надевала, делалось даже неловко, хозяйки все франтят, а у меня кроме костюма ничего не взято. Всякий раз его торжественно встречают, занимают. Мама и я даже смеялись между собой такому вниманию. Действительно он был красив, но такой нелюбезный, конфузливый, почти всегда молчит. Я поспорила с Ал <ександром> Ан <тоновичем>, уж я то его разговорю и он будет со мной говорить, спор этот вышел потому, что раз Ал <ександр> Ан <тонович>, проводив его, говорит: «Господи, как тяжело! Не знаешь, что говорить с ним!» Я тут и взялась за то, что он будет со мной разговаривать. Пред его приездом, сажусь

---

¹¹ Архангельское (Грязное) – усадьба статского советника Николая Дмитриевича Селезнева (1852—1905). Н. Д. Селезнев создал в Архангельском садово-парковый ансамбль, а также женскую богадельню, школу, больницу и спиртовой завод.

в зале с работой, около меня никого, в корридор дверь затворили, за нею А.А., барышни. Сижу, слышу подъехал, идет, подходит ко мне, здороваается, я только что распустила улыбку и собиралась начать разговор, он повертывается от меня и идет в гостиную, я с разинутым ртом осталась, дверь в корридор распахивается, А.А. делает мне нос, барышни тоже, сконфузилась я до слез. Не скажу, что бы он мне понравился, скорей даже нет, но заставить обратить на себя внимание мне хотелось, бойка я была очень, да моя слава, что за словом в карман не полезу, весьма страдала. Не помню, как и почему я затеяла с ним спор и почему то писала обязательство, где писавши его имя не сумела написать, «Адольфович» написала Адольфифич, отнимать у меня стали, я побежала и так не грациозно шлепнулась при всеобщем хохоте, снова сконфузилась, не везло мне очень. Уехали, я совершенно забыла о его существовании, потому что ожидали Сережу из Петербурга, с которым, я уже писала, ездили опять в Архангельское, но П.А. в то время там уж не было, барышни его вспоминали, превозносили до небес, а я только твердила, что противен!

Осенью познакомился с нами военный доктор, который стал бывать у нас ежедневно, я развлекалась этим знакомством, хотя он из себя ничего не представлял, но на безрыбьи и рак рыба, он стал служить темой для нашей переписки, подруги мне писали о том, что П <авел> А <дольфович> вернулся, взяв место у Селезнева, и Вера уже была в него

влюблена, писали много о нем, приписывали ему прямо совершенство, и вот у меня тоже явился якобы обожатель и я тоже писала ему не принадлежащие преимущества, действительно он не обладал ни красотой, не блистал умом; высокий, худой, бледный, рябой, скуп до крайности, вышел из дьячковских детей, беден был, и помню его в заплатках шинель, мундир, калоши без пят, но счастье ему скоро улыбнулось у нас, к году завел коляску, лошадь, повезло, и доктор то он был плохой, да видно мундир и что холост, стали звать в те дома, где есть барышни – помню такой случай, в то же время, когда появился этот военный доктор П. О. Рождественский, в город приехал тоже новый доктор из бывших земских (которому в практике не повезло, лечил только бесплатную бедноту), и вот заболевает в одной семье барышня, посылают за новым доктором прислугу, та спрашивая направо и налево о новом докторе, пришла к этому земскому врачу и позвала его, тот приходит, узнают, что именно не тот, кого хотели, и не приняли хоть бы из любезности. Даже не из любезности, но ради соблюдения приличий, что ли, приняли бы и заплатили 1р. Вновь послали за П. О. Чудак он был не последний, является к нам ровно в 11 часов утра пить кофе, когда поздоровается с мамой, а когда и не подумает, выпьет кофе, пойдет в гостиную, станет перед зеркалом, затынет какую либо песню, а их в его репертуаре было 4—5: «Взойдет заря!», ария Сусанина, «Ах няня, няня, что со мною!» «Гаснут даль-ной Альбухары золотистыя края». Пропоеет их и уходит, так

ежедневно, потешалась я, но пока его мои девицы не знали, я его чуть ли необыкновенным певцом описывала. Но одно у него было хорошо, никогда ни о ком дурно не скажет, особенно о девицах и дамах, никогда бывало не посмеется ни над кем. Таким образом я развлекалась.

Раз, уже глубокой осенью, мама видит, что к нам кто то подъехал, смотрит и говорит: «ведь это тот немец, что мы видели летом у П <иотровских>. Зачем это, ведь я его кажется и не приглашала даже!» Входит и в передней от сильной своей близорукости наступил на любимого тетиного кота «Регента», кот визжит благим матом, а он хотел поправиться, да еще на него же наткнулся, еле-еле сидим от смеха, привез от Насти письмо, конечно как предлог заехать. Этот первый визит к нам, мы конечно приписали, что верно П <иотровские> просили его завести письмо, я на свой счет и не приняла, тем более, что Настя спешила письмом попрощаться со мной, она поехала в Крым с матерью, лечиться. Уехала Настя, в доме у них остались Вера, Надя и с ними наша неизменная Ав <дотьа> Дм <итриевна>, уже от нас переселившаяся к П <иотровским>, и Верочка начала мне писать совсем восторженные письма о П <авле> А <дольфовиче>. Он посещал ее ежедневно, я тоже восторженно пишу о П. О. Я то так себе, но она вряд ли? Настя вернулась в конце Ноября и к 4му Декабрю приехала с матерью ко мне на именины, очень ей уж хотелось видеть П.О., и конечно он ей не понравился, трунила надо мною и не верила мне. В том, что П.А.

и Вера влюблены друг в друга, не было сомнения. Святками мы условились опять быть у них, опять под Новый год у них устраивался костюмированный вечер, я с увлечением принялась делать себе костюм, на этот раз мама сделала мне отличный костюм средневековый, бархатное платье с длинным шлейфом, воротник «Медичи». Оба брата приехали, и мы 27 Декабря были уже в милом Архангельском, кроме нас приехал туда опять У <техин> и снова мы весело, весело закружились, У. поет нам целыми днями, конечно лучше моего доктора, но репертуар его тоже не велик, из всех его песен в памяти осталось «Надо мной ты насмеялась!» Настя была к нему не равнодушна, с Сережей у нее начались ссоры. Вера и П.А. всегда вдвоем, а я чудила между старух, мама, Настасья Яков. и Ольга Ивановна, уже получившая от нас название бабушка-«Куку», она пела еще под рояль «Кукушечка куковала». Приходилась она родной теткой Н <астасье> Я <ковлевне>. Маскарад под новый год удался очень, много гостей было, в том числе Маша и Ан. Ад.

Барышни Корсак пробыли и Новый год, под вечер мы поехали их провожать, но вышло как то неловко, хозяйки почему то не поехали, поехала я, Надя, Миша, Сережа и П. А. На трех тройках мы поехали, заехали к Корсак и уже я там только поняла, почему мы все уехали, а хозяйки нет, нашей поездкой они остались очень недовольны. Туда я ехала с К <орсак> а оттуда мы с Надей поехали, но поехали на санях П <авла> А <дольфовича>. Среди дороги П.А. пе-

ресел к нам, едем, впереди нас едут братья и вдруг катятся в обраг, вместе с лошадьми, я испугалась и такой справила крик: «Братья мои, живы ли вы?» И сейчас же из саней хотела вон. П.А. меня за рукав удержал, а то бы тоже кубарем скатилась к ним, выбрались они благополучно, только дугу сломали, не помню за что, но я надулась на П. А. Мне представилось, что он дерзость сказал какую то, надулась крепко. Дома барышни высказали свое неудовольствие, проглянула ревность, что три кавалера помчались за К <орсак>. Я и Надя не в счет, обе неопасны.

Вернулись мы домой числа 4го и братья на Крещение уехали. В 20х числах Января мы поехали с мамой к Маше, там только и разговору у Ан. Ад. о П.А., который должен был приехать на именины Маши, но его приезд для меня был безразличен. 26го приехали все Пиотровские и с ними бабушка Куку, приехал Саша с моим доктором и приехал П.А., была Лиза с отцом и поп с попадъей, еще Маша Покровская, с которой я уже много лет не видалась, но с удовольствием встретилась. Вера и П.А. опять вдвоем; оба такие розовые, что бабушка их прозвала «Крымские яблочки!» Вера знала конечно, но П.А. и не подозревал, за обедом они сидят рядом и бабушка предложила тост: «За Крымские яблочки!» Вера покраснела до ушей, а мой доктор, ничего не понимая, предложил тост: «За удешевление крымских яблочков!» Вера, моя бедная Вера еще красней стала! Весело мы отпраздновали именины и на следующий день все поехали

к П. и с нами П. О. Верочка ехала с П.А. и Машей, как сейчас вижу П.А., сидящего против них, шинель на распашку, таким франтом. Этот отъезд от Маши я нарисовала карикатуру, где очень типичен был доктор в старой шубе моего отца, крытой голубым сукном, эту карикатуру долго берегла Н <астасья> Я <ковлевна>, ее возили по всем знакомым и одна из тетушек Н <астасьи> Я <ковлевны>, очень умная старушка, религиозная, насмотревшись на нее, не могла стоять обедню, ее поразил на карикатуре П.А., «все, говорила, стоит перед глазами этот наглец!»

Мы с неделю прогостили у П <иотровских>. Конечно П. О. на другой же день уехал. Самого П <иотровского> не было дома. Маша пробыв дня 2 уехала. Каждый день П.А. приезжал ровно в 12 часов и оставался до 12 ночи, сидел в гостиной с Верой вдвоем, Н <астасья> Я <ковлевна> не пускает нас с Настей и мы околачиваемся по корридору, в зале, Надя где-то скрывалась, первое время своего пребывания у П <иотровских> она вечно удалялась, умела разговаривать только с горничными; П.А. любил играть в карты, и вот для него устраивали карты, садились Н <астасья> Я <ковлевна>, О <льга> И <вановна> и Вера, мама примощалась на диване с чулком, а я и Настя изнывали от скуки, сидим бывало на другом диване (их в гостиной было три) болтаем, злимся, вот однажды Настя додумалась от досады привязать П.А. колокольчик на заднюю пуговицу сюртука, задумано, сделано, ползем по полу и прицепляем колокольчик, никто не видит

только мама, ей смешно, она говорит одно слово «Дуры!»

Сидим и ждем, когда играющие станут менять места, – меняют, и колокольчик динь-динь, мы покатались со смеху, П.А. с злостью срывает колокольчик, бабушка укоризненно качает головой, Н <астасья> Я <ковлевна> улыбается, Вера недовольна. Раз он приехал в новой черной паре и в белоснежной рубашке и Н <астасья> Я <ковлевна> с бабушкой решили, что вот именно сегодня он сделает предложение, в этот день карт не устраивали и Н <астасья> Я <ковлевна> прямо нас удерживала, «не мешайте», говорила.

День тянулся без конца, старушки сидели целый день в столовой, мама с чулком, Н <астасья> Я <ковлевна> раскладывает пасьянс, бабушка тоже, мы же посидим, посидим, пойдем в комнату Насти, болтаем, корридором пройдем в залу и так целый день, вечером легли в зале на полу на лунном свете, Настя говорит: «Вот комиссия, Создатель, иметь влюбленных, вот извольте таскаться неприкаянные, эхе-хе!» «Да, старина! Тяжеленько, уж с нами то это никогда не случится, мы ведь решили быть старые девочки!» «Ну-с, и какое ты сделаешь платье к свадьбе?» «Белое кашемировое, с длинным шлейфом и маргаритки на груди и венок из белых маргариток на голову», отвечаю я. Забыла уж какое она решила, но, что бы мы обе очень хотели свадьбы...

«Господи, да когда ж они кончат!» невольно часто срывалось у нас обоих, услышим, двинули стульями, Настя к губам пальцами и говорит: «Идут!» Нет, снова тихо, лежим, идти

в столовую не хочется, лежим к друг-другу лицом на локтях, ногами побалтываем, наконец он идет в столовую с Верой, мы уж там, с любопытством глядим, он прощается, уходит, Вера провожает, еле она показалась, как мы все наперебой к ней: «ну что, Вера?» «Ничего!» «Как ничего?» «Да, ничего!» Разочарование наше и хохот над Верой. Вера отвечает, что мы ее не понимаем. Расходимся поздно, на утро та же история, но в этот день я насмешками довела П <авла> А <дольфовича> до белого каления, уехал рано, и уезжая даже не попрощался со мной. На меня как будто Вера и Н <астасья> Я <ковлевна> обиделись и О <льга> И <вановна> говорила: «барышни, что вы делаете, ведь он больше не приедет!» «Ну, вот, еще не приедет, завтра чуть свет будет тут!» Бабушка грозит мне пальцем и говорит: «Ох, Варенька! Смотри!» «Чего, бабушка, смотреть?» «Не влюбись!» «Бабушка, да в уме ли Вы, дайте я Вас перекрещу, я, да что бы влюбилась в Герна?» «Оба Вы влюбитесь друг в друга» решает бабушка. «Да он меня видеть не может!» «Поверь, дружок, моей опытности, так всегда бывает, сначала как бы ненависть, а потом такие серьезные, как он, всегда влюбляются в противоположность!» «Нет, у нас скоро будет свадьба Верочки!» кричу я. Утром, действительно, мне казалось, что он не приедет, все, начиная нашими старушками, находимся в ажитации. Бабушка твердит: «не приедет» «Дурак будет если приедет», решает мама. О, торжество, он приехал, на меня не глядит. День по обыкновению с Верой

вдвоем, вечер за картами, на утро мы уезжаем. Настя сообщает П.А. и говорит: «приезжайте провожать Варю!» «Вот еще!» был ответ. После раннего обеда мы собираемся ехать, приехал П. А. Настя сочиняет в поездку всех, даже Н <астанья> Я <ковлевна>, бабушка, Надя, Вера и Настя, едут провожать нас верст за 5. Настя устраивает так, что мама, Н.Я. и Вера садятся на одни сани, бабушка, Надя и я должны были сесть вместе, а она якобы поедет с П.А. «Ну, доставлю ж я тебе удовольствие», шепчет она, проходя мимо меня, когда я почему то замешкалась в передней, вылезая на крыльцо, то у крыльца стоит П <авел> А <дольфович> в маленьких санках, а две тройки уже со двора съехали. «Садитесь хоть Вы со мной!» предложил П. А. Делать было нечего и вот я села с ним. «Почему Вы так скоро уезжаете?» спросил он меня. Не помню, что я отвечала, дорогой же говорила о братьях своих, надо было что нибудь говорить, так подвела лукавая Настя. Догнали, я села к маме, мы уехали домой, уж очень мне домой не хотелось, Настя села с П. А. Верочка закапризничала, хоть ему то хочется Веру, а не меня с Настей.

Забыла сказать, что у нас жили два мальчика, сыны попа Феодора (один из которых теперь доктор, а другой присяжный поверенный), славные были ребята, жили у нас лет пять, они меня оба любили, я много возилась с ними, читала им, болтала с ними, Володя бывши болен, часто заставлял читать, вообще с ними мне не чувствовалось одиночество, особенно после поездок в Архангельское дома казалось скучно,

но когда поселились ребята, этого не замечалось. Вернулись мы в последние дни масляной – доктор конечно бывал ежедневно, пропоет из своего репертуара, поверит мне, что ему очень нравится некая учительница; неожиданно попала в поверенные, нравилась она ему сильно, но бедна, стал присматриваться к купеческим дочкам с приданным, слушаю я это и удивляюсь. Постом приезжала Лиза, но ничего не сказала, что выходит замуж, приезжала она в банк за своими грошами. Вышла она замуж по совету Ан. Ад. Недалеко от Спасского был помещик, имевший 100д. земли, вдовец, двое детей и около 60 лет, толстый, красный, зело выпивающий, после своего вдовства что то вскоре он заехал к Ан. Ад. (Маши не было дома, она была у нас) и жалуется, что ему без жены плохо. Ан. Ад. говорит, что у него есть невеста, и предлагает Лизу, идут смотреть ее, жениху нравится (еще бы! Лизе было только 20), и он вызывает Ан. Ад. и просит сейчас же сватать, Ан. Ад. сейчас заявляет Н <иколаю> А <лександровичу>, бабушке (Ав <дотья> Ив <ановна> была у Таисы), те согласны, рады, спрашивают Лизу и та с великой охотой, даже Н <иколай> А <лександрович> сказал: «Таю отдала Ав <дотья> Ив <ановна>, а Лизу я!» Говорят, Ав <дотья> Ив <ановна> вернувшись и слышать не хотела и все говорила: «У Таички муж молодой, а Лизочки старый!»

31го Марта Лиза уже была замужем, после замужества я ее видела несколько раз, довольна и счастлива, всего вволю, пью, ем и целый день сплю. Прожила она недолго, после 3х

летнего замужества умерла от рожи на голове, оставив сына и старого мужа, второй раз вдовца, который, не прошло и шести недель, женился вновь. Вывожу этих людей, как типы, которые мещански тупы.

Постом во второй раз приезжал П.А. к нам, я не думала, что бы он приехал к нам, потому что у П <иотровских> он совсем не обращал на меня внимания, а я только насмеялась и в последний раз думала, что он таки и обиделся на меня, я уж больно закусилась узду и пересолила.

О предложении Верочке не слыхать, хотя сидят все дублетом, как выразился Миша святками. По обыкновению мы говели на 4ой неделе, мама очень любила эту неделю, мама, конечно, говела, как истая христианка, я ж отбывала повинность. Вспоминаю говенье тети, она тоже как истая христианка три раза в день ходила в церковь, но в субботу, придя домой усталой, так ругала попов, что долго распинались, да богатым делали почет, не обладала смирением.

18 мая мама бывала именинница, приезжали П <иотровские>, мы сговорились Троицу быть у них, у них в это время опять был У <техин> и Настя сильно увлеклась, но почему то уверяла меня, что именно я к нему равнодушна и кажется У <техина> уверяла в этом же. Увы, а он для меня был, все равно! Едем к ним к Троице и довольно долго гостим, Ав <дотьа> Дм <итриевна> у них и все продолжает изнывать от безнадежной страсти к своему купцу, а было ей под 60. Спали я, Надя и она в гостиной, и вот утром

Надя начинает: «Как мне нравится М.А. (мать купца), такая милая, такая славная!» Этого довольно для Ав <дотьи> Дм <итриевны> Настя идет, таскает ему лейки с водой. Меня возмущает нахал, еще такую штуку выпалил; мама и Маша говорили П <авлу> А <дольфовичу>, что они собираются к нему в гости и только. У. однажды приходит и говорит, что П.А. сегодня нас всех ожидает к себе, именно всех, не ехать нельзя, ибо он приготовился, и вот, запрягают лошадей в несколько экипажей, едем все, Н <астасья> Я <ковлевна> с дочками, мама, я, Маша и он. П. А. растерянно нас встречает, он только ждал, но даже не ожидал. Сидим, подали нам чай и на тарелке несколько кусков домашнего хлеба, барышни еле-еле говорят, я же ничего, обошла сад, натянутость у всех страшная, пробыли не больше часа, уехали. Вера и Настя говорили, что они себе простить не могут эту глупую поездку, а У. потешается, что мы в дураках, да П.А. подвел. Ав. Дм. ужасно возмущалась, она, как говорила, перестала понимать, что творится у П <иотровских> дома, дали, говорит, волю. Например, Маша зовет нас всех к себе, Н <астасья> Я <ковлевна> приказывает запрягать лошадей, его Маше нехватало, он является и спрашивает: «Кто велел запрягать?» «Это я», отвечает Н <астасья> Я <ковлевна>. «Ну так я велю отпрягать!» повертывается и уходит. «Что ж это такое», закудаhtала Н. Я. Так и не поехали. Сидим как то в столовой все, был еще родственник П <иотровских>. Посреди стола стоит пепельница «медведь». «Эх, как бы я хо-

тел быть медведем!» «Ну и фантазия! Только Н <иколай> В <ладимировичу>¹² может придти в голову!» начинаю я при всеобщем молчании.

«Да, хотел бы! Ведь наши дамы и девицы только и обожают силу!» «Ну, это позвольте Вам сказать, что порете ерунду!» «А я вам докажу, давайте пари!» «Согласна!» Не помню, какой заклад, но А.В. (родственник) разнял руки наши. Он, вместо того, чтобы доказать, прямо заявляет, что я проиграла, я вскипаю, требую доказательств, он: «Н <астасья> Я <ковлевна> поняла». Полнейшее недоумение всех. «А.В. спрашивает, понимаете ли вы что, в этой ерунде?» «Ничего». «Да говорите же!» «Не могу». Начинаю еще больше кипятииться, он зло смеется, уходит, все ко мне и говорят, что должна я добиться от него, потому что это уже не шутка. Маша особенно настаивает, барышни, кроме Нади, волнуются. Вечером сидим на террасе, все в том же волнении, является он, и Маша говорит тихо: переговоры с ним! «Н <иколай> В <ладимирович>, мне надо с Вами объясниться», говорю я, спускаясь с террасы. «К Вашим услугам». Идем. Я спрашиваю: «ведь вы, Н <иколай> В <ладимирович>, это пари повернули не в шутку?» «Да, это не шутка!»

«Прошу вас объяснить мне, потому что я поставлена в очень неприятное положение, не хочу служить каким то объектом!» «Вам, как девушке этого сказать не могу». Час

---

¹² Утехин. Его инициалы в тексте В.Д. не раскрываются, но их можно восстановить по его публикациям.

от часу не легче, начинаю уж и сама смущаться, молча ходим, потом он говорит: «Только могу сказать М <арии> А <ндреевне>, попросите ее спуститься ко мне». Взбегаю на терасу, все в ожидании. «Тебе только, Маша, он скажет, иди к нему!» Маша уходит, сидим час, другой, слышим жаркое объяснение; наконец Маша поднимается на терасу, мы все к ней. «М.А., если вы скажете, то я завтра принужден буду отсюда выехать!» Уходит. Маша садится на ступеньке и говорит: «Не могу придти в себя, не понимаю, злой ли вымысел или правда, возмущена очень!» Пристает Настя: «М <арья> А <ндреевна>, голубушка, скажите!» Маша вздрагивает плечами и говорит: «Это так гадко! Не могу». «Что за черт!» как частенько говорила Надя. Разошлись мы часа в два ночи и все точно виноватые, я же, как причина неизвестной драмы.

На другой день Маша пошла со мной в березник и сказала мне, но предварительно взяла с меня слово, что я никому не скажу, даже Насте, что Н <иколай> В <ладимирович> сказал ей, будто ему Н <астасья> Я <ковлевна> сказала, что Маша в интимных отношениях с П <авлом> А <дольфовичем>. Только-то, хотелось мне крикнуть, и как все глупо, пошло! «Я б вывела это на чистую воду, но слово дала. Как мерзок Н <иколай> В <ладимирович>, что он этим хотел? действительно П.А. часто бывал у Ан. Ад., но ведь у П <иотровских> он вовсе ежедневно, ухаживает за Верой, Н <астасья> Я <ковлевна> уверена в возможности свадьбы, и вдруг она

то и сказала о связи Маши с П. А. Скверно на душе. Настя все пристает к Маше, а П.А. продолжает смотреть влюбленными глазами на Веру и она тоже. Помню, сидим за чайным столом, Вера всегда наливала чай, он напротив, оба смотрят друг на друга, не замечают никого, злой наш демон Н <иколай> В <ладимирович> разжигает чайную ложечку в горячем чае и кладет в руку Веры, которой она поддерживала голову и влюбленно смотрела на своего *vis-à-vis*, перед этим то тот, то другой из нас обращались к ней с вопросами, она не слыхала, и вот Н <иколай> В <ладимирович> положил ей горячую ложечку. Вера вскрикнула и опомнилась, при злом смехе Н <иколая> В <ладимировича>.

Часто мы катались, я и Настя в шарабане, мама, Н <астасья> Я <ковлевна>, Ав <дотья> Дм <итриевна>, Надя в коляске, Вера, Маша и П.А., а У <техин> верхом у нашего шарабана. Маша очень ухаживала за Верочкой, да и мы все смотрели на нее, как на невесту. Вечерами собирались в спальне Н <астасьи> Я <ковлевны> и приставали к Вере. Она все говорила: «Что Вы ничего не понимаете!» «Да как не понять, когда вы друг с друга глаз не сводите!» «Ничего не понимаете!» Довольно, как теперь посмотреть на это, выходило глупо. Уехали мы домой, дома начинаем волноваться о Сереже, куда он выйдет офицером, маме хочется в Воронеж в Можайский полк, получаем письмо от него, он взял вакансию к нам в Ефремов в расположенный здесь 56 резервный батальон, маме как будто сначала показалось, что он

ошибся, но потом рада была, а обо мне уж говорить нечего. Мама начала отделяться к его приезду дом, какое это было славное время, готовимся к дорогому приезду дорогого уже не гостя, а постоянного семьянина. Не забуду, как мой милейший доктор сказал на то, что Сережа будет сослуживцем его: «Ну-с, теперь П.О. безвозмездный доктор всего семейства до кухарки включительно!» «Не ошибитесь, сказала мама, я даром не лечусь и докторов в городе много». Она изволила сконфузиться. Приезжала Настя, и уж радости от скорого приезда когда то милого ей Сережи не высказала, заметно было это очень, в этот ее приезд доктор мой отличился. Настя вздумала просить всех знакомых писать ей в альбом стихи (отстало это было и в то наше время), и вот пристала к П.О., чтобы он написал, он с серьезной миной пишет, Настя заглядывает и говорит: «что то очень поэтично!»

«Над безбрежным океаном
Несется грозный ветер шквал
Между двух обезьян сидит один дурак!»

«Мило!» скорчила Настя гримасу. «Хотели вы, говорю ему, нас сконфузить, но себя то не пощадили!» Переконфузился поэт. А У <техин> все больше и больше забирает тон, и вот я получаю однажды письмо якобы от Насти, писанное его рукой, пишет, что «у меня болит голова, а Н <иколай> В <ладимирович> так хорошо играет на рояле, противный!» Письмо глупо, меня разозлило сие, и как раз прихо-

дит П. О. Я прошу его тоже за меня написать Насте, и что ему угодно. Он пишет тоже глупейшее письмо, где на игру противного пишет: «Он не Орфей, а ты, Настя не в аду!» Через неделю приезжает Н <астасья> Я <ковлевна> и привозит уже мне письмо от Н <иколая> В <ладимировича>, где он как оскорбленный письмом П.О. ругает его и добавляет: «верно ваш доктор ищет со мной дуэли?» Письмо меня обидело, я высказалась Н <астасье> Я <ковлевне>. Н <астасья> Я <ковлевна> была в курсе там происходящего и приняла сторону Н <иколая> В <ладимировича>, виноваты я и П. О. Мне даже жаль было ни в чем не повинного доктора, который потом читал это письмо, опять какую то трагедию делал наглец, но кажется пересолил, ибо А <лександр> А <нтонович> заметил его фокусы и наглядно стал его вышучивать и выживать любезным, но настойчивым образом, а там он уже в любви Насте объяснился, мне Вера рассказывала. Сделал ей предложение, и Настя вишь вбежала к Вере, сильно расстроена, она сознавала свой недостаток. В него влюбилась и боялась, что он не настолько ее любил; а потом и любит, и она верит ему, и вот борясь, говорит Вера, с своим сомнением, она всю ночь не спала, разболелась голова, она вышла с Верой в корридор, чтобы помочить голову, а из его комнаты в это время выходит горничная. Настя чуть не упала. Утром, когда он потребовал от нее ответа, Настя захохотала ему в лицо, так окончился неудачный роман, ибо его скоро выпроводил Ал <ександр> Ан <тонович>. Но У.

этим не ограничился, писал Насте письма на мое имя, я была не посвящена в это и очень поражалась письмами, получила письма два три и даже фотографию, для передачи Насте.

Писем его Настя ждала, ездила она с Верой и отцом в Тулу, и там украдкой где то его видели, т. е. как будто было свидание, от отца тихонько. И вот эта фотография, которую я передавала, была снята по желанию Насти, в шубе и шапке, каким он был на свидании. Эх, дела давно минувших дней, но до сих пор заставляющая подумать, чего он хотел от девушки больной, калеки, ей замуж выходить было нельзя, ей профессор Груббе сказал: замужество – смерть. И сам уже У <техин> раз, помню, говорил, что Настя жалкая девочка, и он бы убил ту кормилицу, которая ее искалечила. Маша тоже много горьких минут пережила через этого У. Он тоже начал туда ездить, вот в один прекрасный день, Ал <ександр> Ан <тонович>, П.А. и он отправляются в Спасское к Ан. Ад. верхами, Спасское от Архангельского было в 25 верстах, переночевали и уехали Ал. Ан. и П <авел> А <дольфович>, а У. остался, якобы очень разбился от верховой непривычной езды. Как нахал он вошел к Маше в спальню, Ан. Ад. видел или ему показалось, что У. целует Машу, и вот Маша не могла его разубедить, и целых два месяца Ан. Ад. не говорил с нею, Маша мне сама рассказывала это, бывши на Троицу у П <иотровских>. Может нахал и покушался, а может и поцеловал, но Ан. Ад. надо было его выставить, а не мучить жену, Маша говорила мне со слезами, что вот два месяца

да он не говорит с нею. В начале Августа приезжали на бега барышни и с ними брат Веры Вася, но между нами не было той чистой дружбы, что то перемешивалось, это скоро после того знаменитого письма, хотя никаких объяснений не последовало. 13 Августа Сережа приехал, мама никак не могла быть покойна, не могла дожждаться часа, в который он придет, а день был прескверный, дождь шел через каждые пять минут, то проглянет яркое солнце, то проливной дождь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.